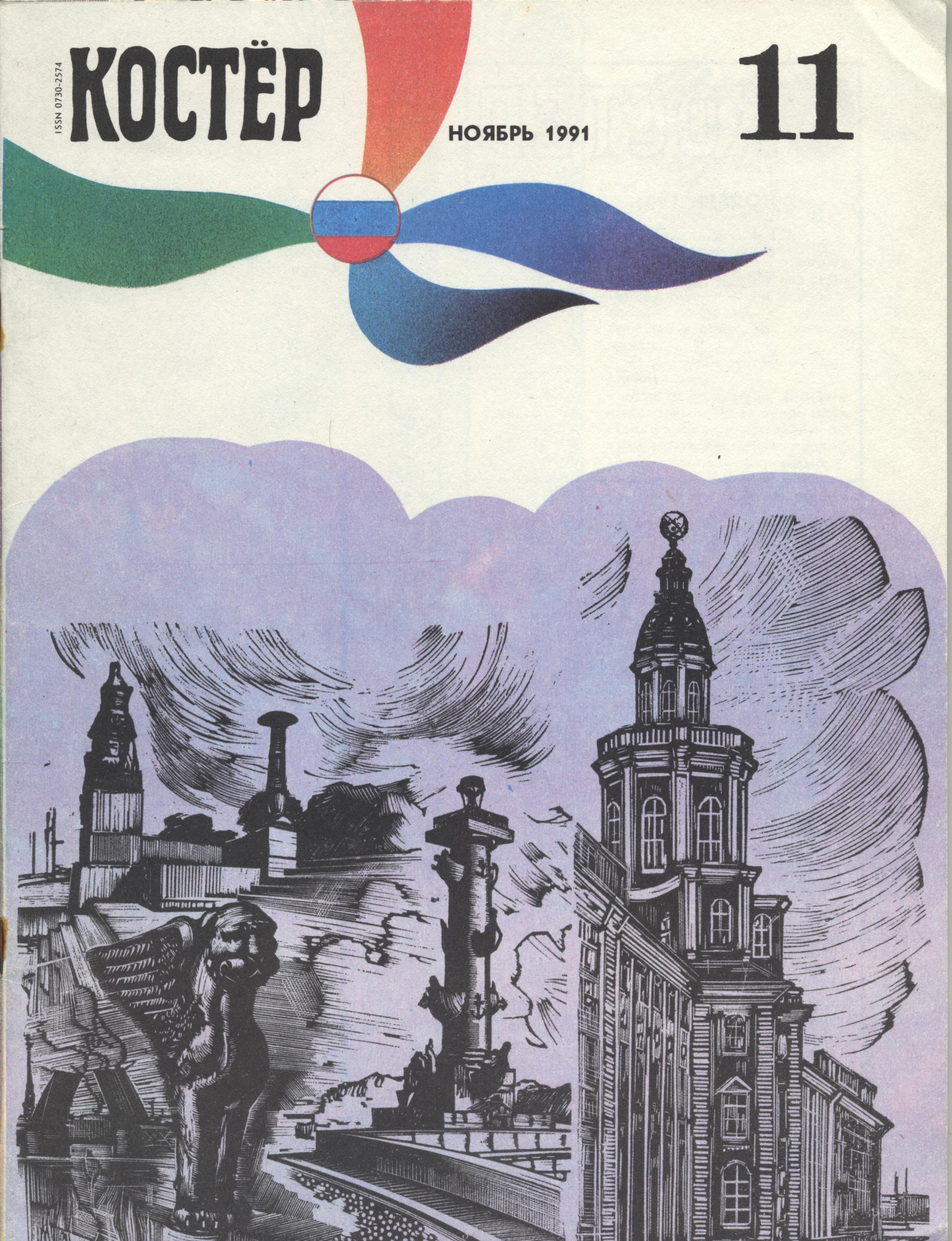

ISSN 0730-2574

КОСТЁР

НОЯБРЬ 1991

11

КОСТЁР

НОЯБРЬ 1991

Ежемесячный журнал
для школьников

Издается с июля 1936 года
© «Костер», 1991

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

4

Бунт на «Баунти»
повесть
Ч. Нордхофа и Дж. Холла

14

Творчество
твоих ровесников

15

Барабан
сообщения юнкоров

18

Семейная хроника
очерк
В. Шумилина

19

Игрушки
русских императоров
очерк
Н. Коняева

21

Черепаша Наполеона
рассказы моряка
М. Будилова

24

Удивительный Даль
к 190-летию
со дня рождения

26

Музыкальный
перекресток

28

Наперекор стихиям,
или Почему у
профессора Синицына
улетела одежда...

30

Киновидео

34

Зеленые страницы

36

Веселый звонок

38

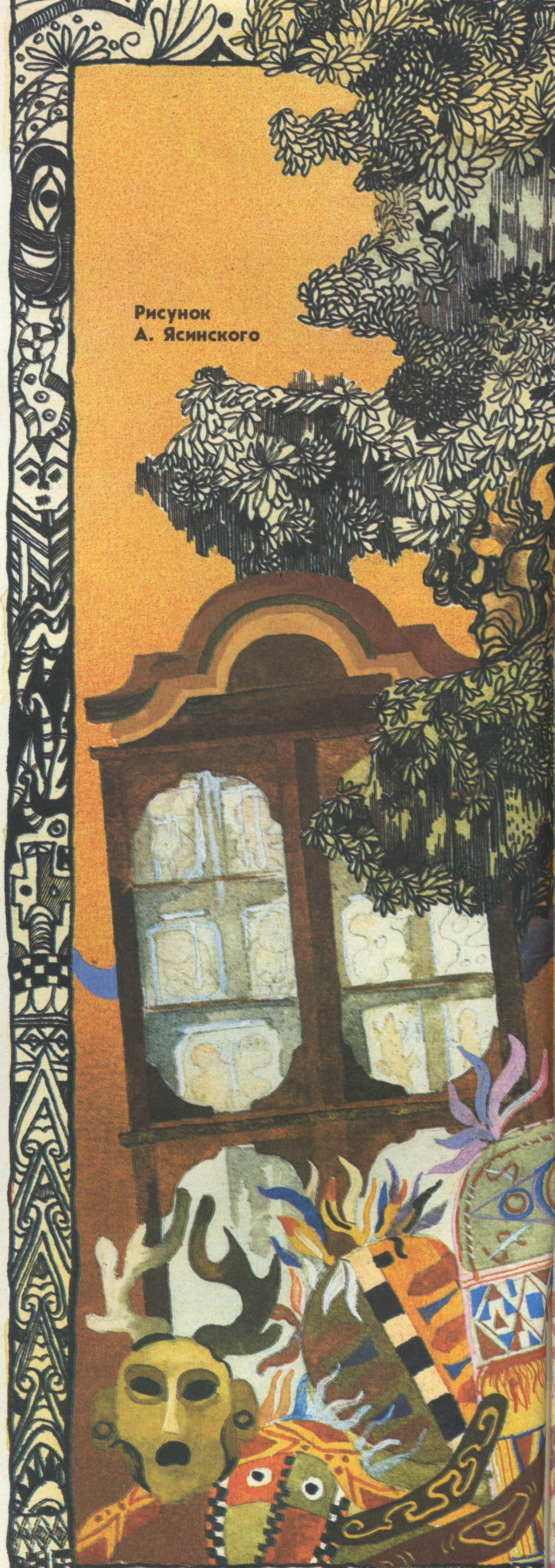
Арчбек
шахматы и шашки

40

Советы
Маши-искусницы

На обложке
рисунок Н. Саутина
«Васильевский остров»

Рисунок
А. Ясинского

Царь гавайского короля

1. ДЕРЕВО-МОНСТР

Строился Санкт-Петербург. Петр Великий шел по берегу Невы. Сосны кругом, как струны. И вдруг — сосна, изуродованная природой, с веткой, вросшей в ствол, как ручка в чашке.

— Дерево-монстр! — воскликнул царь.

Монстр — чудище, невиданное людьми. По велению царя ствол срубили, сохранили и на этом месте построили первый музей в России — Кунсткамеру.

«Кунст» — чудеса, «камера» — палата. Кунсткамерами в западных странах называли музеи, где хранились коллекции древностей и любопытных вещей — естественных и искусственных.

Петр велел отовсюду привозить сюда диковинки, вещи и одежды разных народов. Не только для любопытства посетителей, но и для изучения и развития наук. Например, анатомии, о которой в России и слыхом не слыхали.

За очень большие по тем временам деньги — тридцать тысяч гульденов — купил царь Петр в Голландии анатомический кабинет Ф. Рюйша, где было две тысячи экспонатов.

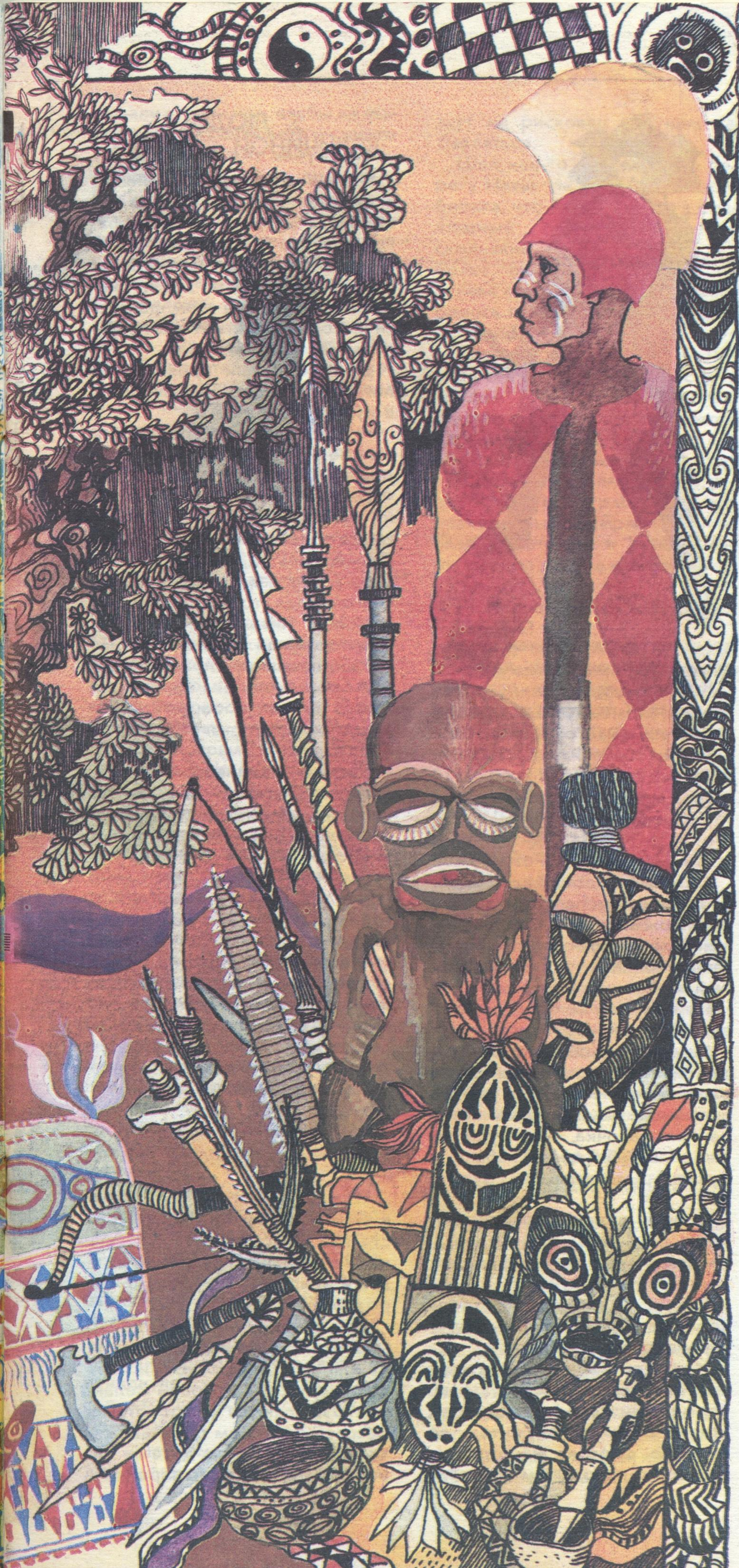
В банках со спиртом лежали, свернувшись: «летающий дракон»; саламандры, не горящие в огне; гремучие змеи с раздвоенными хвостами.

— Алло! Это музей уродов? — звонят в Кунсткамеру сегодня.

Потому что наибольшее любопытство тогда и сейчас вызывают уроды человеческие: младенец с двумя головами; близнецы, сросшиеся животами; волосатый мальчик... Около шестиста препаратов осталось с петровских времен.

2. СЕРДЦЕ ВЕЛИКАНА

В том же зале за музейным стеклом лежит огромное серд-

це, которое не бьется уже двести с лишним лет.

— Ваше Величество, не желаете ли Вы посмотреть нашего великана? — спросили французы царя Петра, подивившись на царский рост — два метра четыре сантиметра.

Человек-гигант по имени Буржуа, ростом два метра двадцать семь сантиметров, показывался на ярмарке города Кале вместе с матерью-карлицей за деньги.

Увидел его Петр и пригласил к себе на службу.

— Нет, — сказал Буржуа, — как без меня матушка обойдется?

— Матери денег дам, чтобы жила во Франции безбедно.

И поехал Буржуа в Россию.

— Гляди какой! — кричали в Санкт-Петербурге прохожие, когда царская карета с великаном на запятках проносилась мимо. И шапки сваливались у них с голов.

Полюбил Петр Буржуа. Назвал по-своему — Николаем. И подобрал жену под стать — высокую финку. Решил создать породу великанов. Тогда целая теория существовала: если в семье есть великан, то свой рост он непременно передаст детям. А тут два великана! Но вот какими выросли сын и две дочери Буржуа — неизвестно.

3. ПЛАЩ ГАВАЙСКОГО КОРОЛЯ

Стоит в Кунсткамере фигура смуглого мускулистого человека в желто-красном пушистом плаще. Это — король, и плащ на нем — королевский.

Высоко в горах на Гавайских островах живут маленькие серые птички, вся красота которых в ярких перышках на груди. И беда их тоже в этих перышках — дорого они стоят.

Забираются смелые охотники в горы, мажут клеем длинный шест и привязывают его к дереву.

Любопытные птички тут как тут.

Раз! — села на шест и приклеилась.

Вырвут охотники нужные перышки и отпустят птичку. Для изготовления королевского плаща потребовались перышки

десятков тысяч птичек, и поэтому стоил он очень дорого.

Король Гавайских островов Камеамеа I подарил свой плащ русскому другу. По дороге в Россию тот умер, а плащ передали в Кунсткамеру.

4. ЗАГАДОЧНЫЙ СТРЕЛОК

Океания... Несколько лет прожил там среди папуасов знаменитый Николай Николаевич Миклухо-Маклай — ученый, путешественник, художник. Добрый и смелый человек.

Привез оттуда богатую коллекцию и свои рисунки.

На одном изобразил храброго воина-папуаса. Скульптор по рисунку точь-в-точь фигуру вылепил. В носу у воина поперечная палочка, на груди — ожерелье из клыков кабана, в руках — натянутый лук со стрелой.

Хочешь верь — хочешь нет, но во время Великой Отечественной войны неживая фигура... выстрелила из лука!

Вжи-у! — пролетела стрела через весь зал и впиалась в противоположную стену.

И хотя знающие люди утверждают, что произошло это во время близкого артобстрела, старые музейные служители до сих пор смотрят на стрелка-папуаса с некоторым страхом.

5. ЛЮДИ, ВЕЛИЧИНОЙ С КУЛАК

В жарких и душных африканских тропиках, где деревья так высоки, что снизу не видно неба, где толстые стебли лиан и могучие змеи питоны, где порхают радужные птицы и ходят сказочные звери — в этом фантастическом мире живут самые маленькие люди на Земле.

Древние греки прозвали их пигмеями — людьми, величиной с кулак.

И про них в Кунсткамере можно узнать интересные истории.

Пигмеи охотились в темноте на слона. Один из них исхитрился попасть ему прямо в глаз. Промаяхнул он, и разъяренный слон растоптал бы его раньше, чем он успел второй раз поднять свой лук! Пигмеи — незаурядные охотники-лучники.

Рассказывают, что бело-желтые собаки пигмеев никогда не лают, но могут защитить хозяина даже от клыков и когтей леопарда.

Пигмеи — великолепные следопыты. В своем запутанном лесу они ориентируются так же свободно, как мы на родных улицах.

Так же, как все люди, они радуются, печалются и любят своих детей. Только ростом выше метра сорока сантиметров они вырастают редко.

Самое интересное, что до сих пор пигмеи ведут образ жизни, который вело человечество около десяти тысяч лет назад — до того, как оно овладело приемами возделывания земли...

6. «ГОВОРЯЩИЕ ДОЩЕЧКИ»

Из зала в зал, как из страны в страну. Отовсюду почти триста лет привозят путешественники в Кунсткамеру загадочные вещи неизвестных, далеких народов.

Охают женщины при виде высушенных голов вождей маори, покрытых татуировкой и священных у себя в Новой Зеландии. Удивляются на крохотные, расшитые шелком туфельки китайнок — в раннем детстве девочкам туго-натуго перепеле-

нывали ступни ног, чтобы не выросли ни на сантиметр — никто тогда не возьмет замуж «уродину» с большими ступнями. Бедные китайки! На ночь подкладывали под головы фарфоровые подушки, чтобы не помять хитрые прически.

Молчат вещи. Хранят тайны. Отгадывают их научные сотрудники музея — этнографы. Но до сих пор не могут они расшифровать знаки на «говорящих дощечках» с острова Пасхи — следы письменности исчезнувшей цивилизации. Почти приблизился к ответу школьник Боря Кудрявцев, но отгадать не успел — погиб. Кто откроет их тайну?

7. НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛОМОНОСОВ

Ломоносова знают все? Как бы не так... В одной старой французской энциклопедии написано, что в России есть Михайло Ломоносов-химик, его не следует путать с другим Михайло Ломоносовым-поэтом.

Смешно? Но ведь и мы, россияне, не так уж много знаем о знаменитом ученом.

А Ломоносов изучал северное сияние и отчего замерзает вода, изобретал зрительную трубу и другие точные приборы, и ночами просиживал в обсерватории. На пятнадцати языках читал книги и изобрел новый стихотворный слог, который Белинский назвал началом новой литературы... Составлял географические карты и систематизировал минералы. Рисовал эскизы роскошных дворцовых фейерверков и придумал состав цветных стекол для составления чудесных мозаичных картин...

Давно это было.

Ныне Ломоносова называют первым русским интеллектуалом. Почему-то принято представлять людей науки такими безобидными хлюпиками. А Ломоносов был высокого роста, крепок и широк в плечах. Предки его прозвание свое получили не зря — эти, мол, такие, что любой нос свернут — Ломоносы.

В царском дворце Михайлу Васильевича побаивались — и

шут не рисковал над ним забавляться.

Шел как-то академик по берегу Невы. Не те были невские берега, что ныне, одетые в роскошный гранит. Обычные скользкие речные берега — белье полоскали, бревна со сплава прибывало. И много творилось там разных темных дел, вплоть до убийств.

Сильный удар в спину — Ломоносов от неожиданности с трудом удержался на ногах. Обернулся — краснорожий здоровый матрос:

— Скидавай, барин, одежду!

И больше сказать уже не успел ничего, сграбастал его разъяренный помор-академик в охапку, затащил в Кунсткамеру, раздел догола и вышвырнул на улицу:

— Неповадно будет других раздевать!

Хотите напоследок загадку? Какое единственное здание сохранилось до наших дней на берегу Невы со времен Ломоносова и где работал он все время жизни в Санкт-Петербурге — с 1741 по 1765 год? Где занимался в Географическом департаменте, Физическом и Географическом кабинете, астрономической обсерватории и академической библиотеке?

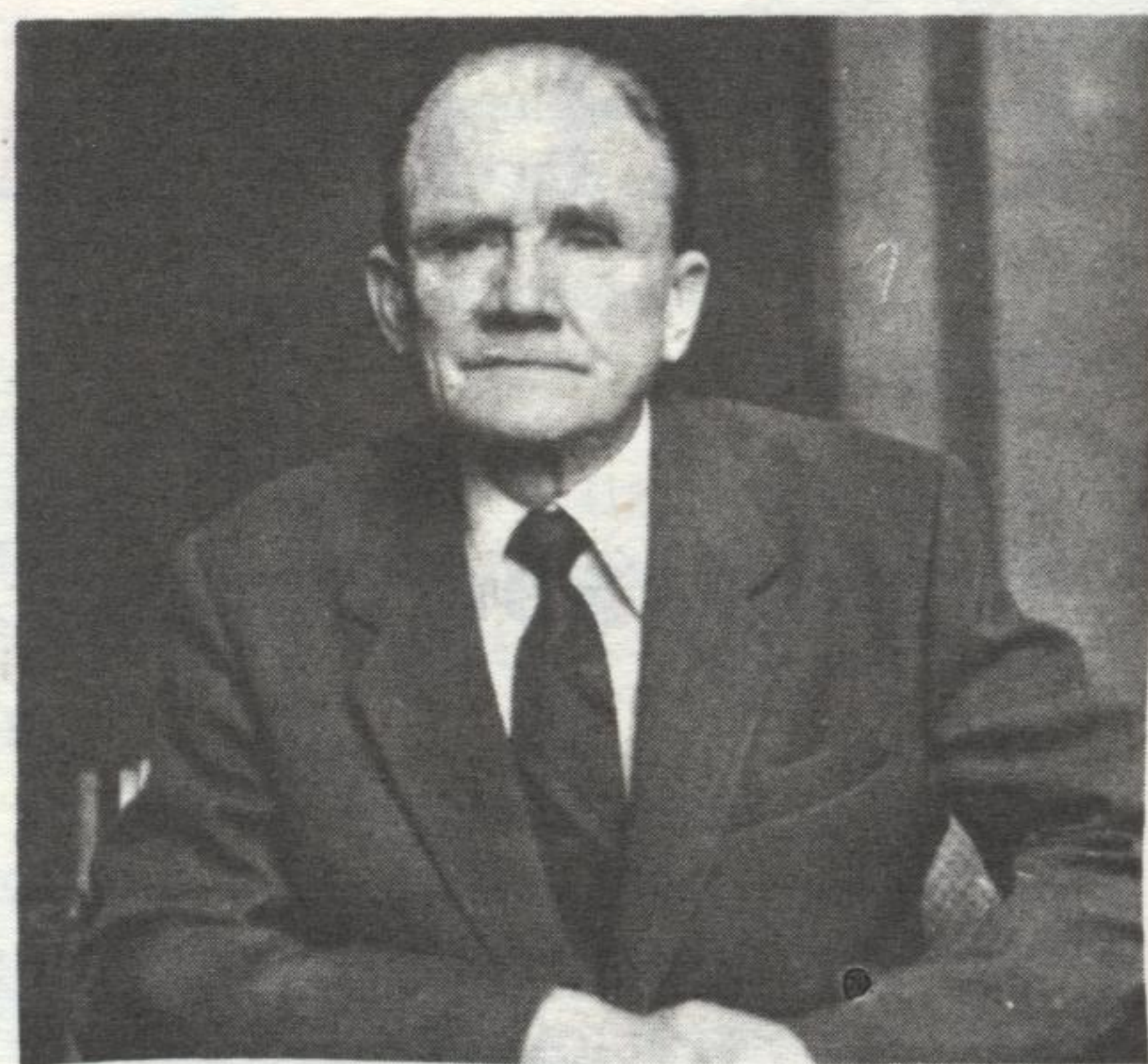
Дом этот — Кунсткамера.

И в здании Петровской Кунсткамеры, выше этажом собрания коллекции «кабинета редкостей», находится сейчас музей М. В. Ломоносова. Удивительный маленький музей, где рассказывают то, о чем не написано в учебниках. И где то, что знаешь по учебникам, видится совсем другими глазами...

8. НАРОД ИЗ ПАПЬЕ-МАШЕ

Вечер. Затихают усталые залы. Смотрители опускают оконные шторы. И наступает тишина.

Говорят, в это время происходят странные вещи. Фигуры за музейными витринами как бы оживают: они ловят рыбу и добывают саго из пальм, плетут корзины и укачивают детей, танцуют и готовятся к бою. Негры, корейцы, папуасы, индейцы, японцы и австралийцы...

Посетители из разных стран застывали перед ними, узнав знакомые черты соотечественников. И через переводчика спрашивали:

— Они как живые. Кто их так сделал?

Более тридцати лет работает в Кунсткамере Иван Николаевич Хитров — талантливый и неутомимый мастер. Он делает фигуры из папье-маше и покрывает специальной мастикой так, что хочется потрогать их и снять наваждение: а не живые ли они, на самом деле?

— Я будто бы побывала в гостях у разных народов, — благодарно сказала мастеру одна посетительница.

Около двух тысяч народов сейчас на Земле. У них разные лица и оттенки кожи, цвета волос и формы глаз. Все это Иван Николаевич изучил по книгам, фотографиям, рисункам (лепя с натуры представителей разных народов). Но есть народы, исчезнувшие навсегда. Как узнать, какими они были?

Шесть тысяч туземцев было на острове Тасмания. Почти всех истребили в прошлом веке английские завоеватели. Некоторых привезли в Англию и демонстрировали в зоопарках, как обезьян.

В звериной клетке умерла в 1876 году последняя коренная тасманийка Лалла Рук. По гравюре в старой книге вылепил скульптор ее портрет.

Каким было прошлое человечества? Об этом многое расскажут в Кунсткамере. Каким станет будущее? Это во многом зависит от того, будут ли помнить люди свою историю, историю всего человечества.

Т. ВОЛЫНКИНА
Фото Б. Гесселя

БУНТ НА «БАУНТИ»

ПОВЕСТЬ

Ч. Нордхоф, Дж. Холл

Итак, капитан Блай со своими соратниками остался в шлюпке посреди моря, а «Баунти» вернулся на Таити. Через какое-то время было принято решение: Кристиан вместе с главными

бунтовщиками отправится на поиски какого-нибудь пустынного острова, где они и поселятся. Остаться на Таити они не решались, боясь, что рано или поздно их найдут и схватят. А Байэм

и еще несколько человек, не принимавших непосредственного участия в мятеже, остались жить на Таити. Они распрощались с Кристианом, и «Баунти» взял курс в открытое море.

Как-то утром, дней через десять после ухода «Баунти», я отправился вдоль извилистого берега в сторону мыса Венеры. На самой оконечности мыса, огражденная рифовым барьером, лежит одна из самых красивых бухточек этого острова. Ее давно облюбовали туземные мореплаватели, которым хотелось иногда переночевать на берегу. Вода в ней всегда спокойна и необычайно чиста, а глубины достаточно, чтобы довольно большое судно могло подойти совсем близко к берегу.

Я любил бывать там на рассвете: из бухточки открывается прекрасный вид на побережье. Я обрадовался, что на этот раз там никого нет, и, устроившись на высокой дюне, стал смотреть на восток, где заблестели первые краски зари. Вдруг какой-то звук привлек мое внимание: в проходе между рифами двигалось большое парусное каное. Оно быстро подошло к берегу, и гребцы сбросили в воду каменный якорь. По размеру и довольно многочисленному экипажу судна я понял, что на нем, видимо, находятся какие-то важные персоны, но их не было видно: они еще спали под кормовым тентом. Несколько туземцев сошли на берег и принялись разводить костер; две женщины не спеша прошли вдоль пляжа и скрылись из виду.

Солнце уже поднялось над морем, когда я, незамеченный путешественниками, поднялся и направился к широкой реке, впадавшей в море на западной стороне мыса. Река называлась Вай-пупу; при впадении она образовывала глубокий чистый затон, в котором я любил купаться.

Сбросив с плеч легкую накидку, я бросился в воду и лениво поплыл по течению. Высоко над головой пела птица, чем-то напоминая английского соловья. Вдруг на берегу, среди узловатых корней старого дерева я увидел прекрасную, словно русалка, девушку. Видимо, когда я проплывал мимо, она услышала всплеск и, обернувшись, увидела меня. Я сразу узнал ее: это была Теани, дочь одного из вождей, которую я уже как-то видел на туземном празднике. Никаких признаков смущения она не проявила: в те дни знатной девушке ни днем, ни ночью опасаться было нечего. Грубое слово в ее адрес стоило бы обидчику жизни, а насилие стало бы причиной опустошительной войны.

— Да живешь ты долгие годы! — поздоровался я по туземному обычаю и повернулся в воде против течения.

— И ты тоже! — улыбнулась Теани. — Я знаю, кто ты! Ты — Байэм, тайо Ити-Ити!

— Верно! — ответил я и постарался продлить разговор: — А хочешь, я скажу, кто ты? Ты — Теани, родственница Поино. Я видел, как ты танцевала на празднике!

— Ах, видел? И что же — я хорошо танцевала? — спросила она и громко рассмеялась.

— Так хорошо, что тот вечер я не могу забыть!
— Ареро мона! — насмешливо воскликнула она, что означает «сладкий язык» — так на Таити называют льстецов.

— Так хорошо, — будто бы не слыша, продолжал я, — что я спросил у Ити-Ити: «Кто эта девушка, что красивее всех девушек на Таити и может сравниться лишь с богиней танца?»

— Ареро мона! — снова насмешливо проговорила она, но ее щеки вспыхнули румянцем. — Послушай, — сменила она тему, — давай посмотрим, кто проплывет дальше под водой — ты или я?

Вскочив на ноги, она нырнула с таким искусством, что брызг почти не было. Вцепившись в корень, на котором сидела Теани, я ждал. Ярдах в пятидесяти от меня река делала поворот; наконец, уже из-за поворота раздался голос девушки:

— Эй! Теперь твоя очередь!

Я нырнул и поплыл по течению на глубине примерно в сажень. Двигаясь дальше и дальше, я был полон решимости победить: ведь в воде я чувствовал себя как рыба. Когда, наконец, легкие мои больше выдержать не могли, я вынырнул, уверенный, что выиграл. Музыкальный, словно журчание ручейка, смех раздался впереди: протерев глаза, я увидел, что девушка сидит на корне дерева ярдах в десяти от меня.

— Ты доплыла до этого места? — огорченно спросил я.

— Я не обманываю.

— Давай отдохнем немного, и я попробую снова.

Я сел рядом с нею и откинул с лица мокрые волосы. Не сговариваясь, мы повернулись друг к другу; глаза Теани улыбались. Вдруг она резко отвернулась, и мое сердце забилося сильнее. Рука ее лежала на корне рядом с моей; я осторожно накрыл ее ладонью и легонько пожал. Теани нагнула голову, глядя в чистую воду. Мы долго молчали.

— Теани! — наконец промолвил я и взял ее руку в свои ладони.

Она не ответила, но медленно подняла голову и поглядела мне в глаза. И вдруг, не произнося ни слова, она прильнула ко мне. Сердце мое забилося так сильно, что я не мог говорить. Первой нарушила молчание девушка.

— Байэм, у тебя есть жена? — спросила она, ласково поглаживая меня по мокрым волосам.

— Нет.

— А у меня нет мужа.

В этот миг раздался женский голос:

— Теани! Теани!

Девушка крикнула в ответ, что скоро придет, и повернулась ко мне:

— Это служанка, которая сошла со мною на берег. Я велела ей ждать у самого устья, пока я купаюсь.

* Продолжение. Начало в № 9, 10.

— Вы приплыли из Тетиароа? — спросил я, обнимая ее за талию.

— Нет, я была с дядей в Раиатеа. Мы плыли два дня и две ночи.

— А кто твой дядя?

— Ты не знаешь? — удивленно и недоверчиво спросила девушка.

— Нет.

— А говоришь на нашем языке, словно один из нас! Странные вы люди — англичане. Мой дядя — Веиатуа, большой вождь из Таиарапу.

— Я часто слышал о нем.

— А ты — вождь у себя в стране?

— Да, но очень небольшой.

— Я это знала! Знала, как только увидела тебя! Ити-Ити не выбрал бы себе в тайо простолюдина.

Мы снова замолчали.

— Теани! — позвал я.

Она подняла голову, и я крепко поцеловал ее в губы. Обрато к бухточке мы возвращались

Настал 1791 год. У Байэма и Теани уже родилась дочь. Они жили безмятежно и счастливо, когда вдруг однажды к Таити подошел корабль. Это оказался английский фрегат «Пандора», посланный для ареста взбунтовавшейся команды «Баунти». Дело было в том, что капитан Блай, с огромным

трудом вместе со своими спутниками добравшись до Англии, обвинил в мятеже решительно всех, оставшихся на Таити. Байэм и его друзья были схвачены и доставлены на борт «Пандоры», где не избежали жестокостей со стороны капитана Эдвардса и лейтенанта Паркина. Более человечным оказался

судовой врач Гамильтон, который старался хоть как-то смягчить их положение. Туземцы сделали неудачную попытку спасти пленников, после чего арестованных посадили в большую клетку, установленную прямо на палубе, и «Пандора» взяла курс на Англию.

Эдвардс появлялся у нас редко. Раза три или четыре он устраивал официальную проверку, заключающуюся в том, что он спускался в арестантскую по трапу, окидывал нас всех своим холодным взглядом и удалялся. Мы были целиком во власти Паркина, который лез вон из кожи, чтобы сделать наше существование невыносимым. Но когда мы подошли к проливу Индевор, он перестал посещать нас, переложив эту обязанность на профоса. Лейтенанту, так же как и капитану, пришлось почти все время посвящать управлению кораблем. Дело было в том, что мы подошли к Большому Барьерному рифу, изобилующему мелями, как никакое другое место в океане. Плыть стало невероятно трудно; целыми днями мы слышали выкрики лотовых, сообщавших глубину под килем.

День 28 августа выдался особенно тяжелым: шквалы с дождем чередовались с минутами мертвого штиля. Выглянув на рассвете в глазок, я увидел, что мы находимся в лабиринте рифов и мелей. На поиски прохода отправилась шлюпка под командованием лейтенанта Корнера. Из того, что делалось снаружи, нам почти ничего не было видно, однако по доносившимся командам мы поняли, что корабль попал в тяжелый переплет.

Так продолжалось весь день, и к вечеру стало очевидно, что наше положение отнюдь не улучшилось. Шлюпка все еще находилась впереди по курсу; с борта ей просигналили возвращаться. Быстро темнело. На корабле зажгли огни и стали стрелять из мушкетов, чтобы показать наше местоположение тем, кто был в шлюпке. Наконец послышались ответные выстрелы: шлюпка возвращалась. Все это время лотовые непрерывно про-

взявшись за руки; сзади шла служанка с округлившимися от удивления глазами.

На следующее утро люди Веиатуа отнесли в каное мои пожитки, и мы отправились в путь. В Таутира, где жил вождь, мы прибыли в середине этого же дня. Нас встретили члены его семейства, жрец храма, вознесший божествам благодарственную молитву за то, что они охраняли Веиатуа от опасностей моря, а также толпа поданных, любивших вождя за справедливость и доброту.

Ити-Ити с дочерью прибыли на следующий день, а еще через день мы с Теани, пройдя через многочисленные церемонии бракосочетания, стали мужем и женой. Веиатуа подарил нам прекрасный дом на берегу, стоявший неподалеку от его собственного. Он недавно был построен для какого-то вождя низшего ранга, но тот с радостью покинул дом, узнав, что Веиатуа хочет поселить в нем своего зятя.

меряли глубину; сначала она составляла целых сто двадцать сажений, но потом стала быстро уменьшаться: пятьдесят сажений, сорок, тридцать шесть, двадцать две. Как только прозвучала последняя цифра, капитан дал команду лечь на другой галс, но матросы, вероятно, не успели выполнить команду: послышался сильный удар и все обитатели арестантской кубарем покатались по палубе.

Не успели мы прийти в себя, как послышался еще один удар, да такой сильный, что мы испугались, как бы не сломались мачты. Тьма стояла кромешная; в довершение всего налетел очередной шквал. В реве ветра голоса матросов были едва слышны. Капитан попытался стащить «Пандору» с мели при помощи парусов, а когда затея эта не увенчалась успехом, паруса свернули и с борта спустили шлюпку, чтобы завезти якорь. Шквал прошел так же неожиданно, как и налетел, и мы снова отчетливо услышали мушкетные выстрелы с приближающегося катера.

Сила только что перенесенных ударов не оставляла сомнения в том, что корабль получил серьезные повреждения. Послышался голос Эдвардса:

— Как внизу, мистер Робертс?

— Вода быстро прибывает, сэр. Уже почти три фута, — прозвучал ответ.

Тотчас же заработали помпы. Вдруг люк на крыше отворился, и появился профос с фонарем. Он быстро снял кандалы с Коулмана, Нормана и Макинтоша и велел им помочь палубной команде. Мы стали просить его расковать нас всех, но он не обратил на наши мольбы никакого внимания и ушел, не забыв запереть решетку на люке.

Некоторые из пленников принялись бесноваться

и изрыгать проклятия, словно сумасшедшие, тщетно пытаясь при этом порвать свои оковы, но вскоре у маленького окошка появился Эдвардс и резко приказал всем замолчать.

— Ради бога, сэр, освободите нас! — закричал Маспратт. — Дайте нам возможность спастись!

— Молчать! — ответил Эдвардс и обратился к стоявшему рядом профосу: — Мистер Джексон, вы отвечаете за пленников головой. Ни один не может быть освобожден без моего приказа.

— Позвольте нам помочь у помп, сэр! — взмолился Моррисон.

— Молчать, негодяи! — прикрикнул еще раз Эдвардс и ушел.

Поняв, что мольбы бесполезны, пленники успокоились и впали в безнадежную апатию. Через час опять налетел шквал, и снова волны яростно ударили корабль о камни. Насколько мы могли судить, ветер и волны тащили «Пандору» через риф. Наконец корабль замер, и мы услышали голос лейтенанта Корнера:

— Под днищем чисто, сэр!

Было часов десять. Второй шквал прошел и отдаваемые команды стали нам ясно слышны. Пушки были сброшены за борт, все свободные матросы принялись заводить под днище марсель в качестве пластыря. Однако вода прибывала так быстро, что от этой затеи пришлось отказаться, и все за исключением нас и наших стражей принялись выкачивать и вычерпывать воду.

Поведение Эдвардса по отношению к нам нельзя ни объяснить, ни извинить. Даже при всем желании мы никуда не смогли бы убежать, и все же он удвоил стражу и запретил нас расковывать. По счастью, размеров опасности мы тогда еще не представляли.

Как только начало светать, все поняли, что конец «Пандоры» — дело даже не часов, а минут. Корма фрегата так высоко вздымалась над водой, что на палубе было трудно удержаться на ногах. Офицеры спешно стаскивали в шлюпки провизию. В носовой части вода уже почти достигала пушечных портов. По крыше нашей тюрьмы стучали ноги матросов, спешивших на корму к шлюпкам. Мы кричали, стараясь привлечь чье-нибудь внимание, некоторые начали в отчаянии звенеть кандалами. Какие приказы были отданы на наш счет, я не знаю, но наши призывы наконец услышали. Помощник оружейника Джозеф Ходжес спустился и освободил от кандалов Бирна, Маспратта и Скиннера, однако Скиннер, желая выбраться побыстрее, забыл в суматохе снять ножные оковы. После этого люк снова закрыли — сделано это было, по-видимому, по приказу лейтенанта Паркина, который несколько секунд назад заглядывал в люк.

Ходжес не заметил, что арестантскую снова заперли, и продолжал поспешно снимать с нас кандалы. Вдруг фрегат резко накренился. Люди начали прыгать с кормы в воду, так как шлюпки с первым движением корабля отвалили. Мы кричали изо всех сил: вода уже стала захлестывать арестантскую. Не утонули мы лишь благодаря помощнику боцмана Джону Моултеру, который взобрался на крышу, чтобы прыгнуть в море,

но, услышав наши вопли, ответил, что спасет нас или утонет вместе с нами. Открыв люк, он крикнул, чтобы мы поторапливались, и нырнул.

В спешке и панике помощник оружейника забыл снять ручные кандалы у Беркитта и Хиллбрандта. Помогая друг другу, мы вылезли на крышу — и вовремя: вода доходила уже до грот-мачты, которая медленно погружалась в пучину. Я нырнул и поплыл изо всех сил, чтобы меня не засосало вместе с тонущим кораблем. Плавать умели далеко не все матросы, ужасные крики тонущих мое перо описать бессильно. На воде плавали крышки люков, обломки дерева, клетки для птицы и тому подобное, и некоторым матросам удалось в них вцепиться, однако многие почти сразу пошли на дно. Я подплыл к крышке люка и увидел, что в другой ее конец вцепился Маспратт. Плавать он не умел, но сказал, что некоторое время еще продержится. Я схватился за какую-то доску и поплыл по направлению к одной из шлюпок. Добирался я до нее около часа. Шлюпка была забита людьми, из пленников в ней находились Эллисон и Берн. Мы взяли курс на небольшую песчаную отмель, видневшуюся милях в трех от места, где затонул фрегат.

Вода у отмели, окруженной коралловым рифом, была спокойна, поэтому высадиться нам удалось без труда. Как только матросы выгрузили из шлюпки провизию, Эллисон, Берн и я сели на весла, Боулинг, помощник штурмана — на румпель, и мы отправились к месту катастрофы. Сделав большой круг, мы подобрали еще двенадцать человек и среди них Беркитта, который скованными руками сумел вцепиться в какую-то доску.

На отмель мы возвратились лишь к полудню, остальные шлюпки уже были там. Отмель имела шагов тридцать в длину и двадцать в ширину. На ней не росло ничего — ни пятнышка зелени, на котором мог бы остановиться взгляд. Капитан Эдвардс устроил переключку; оказалось, что утонули тридцать три члена экипажа и четверо пленников — Стюарт, Самнер, Хиллбрандт и Скиннер.

Моррисон рассказал мне, что видел, как утонул Стюарт: его ударило тяжелой доской по голове, и он камнем пошел на дно. Печаль охватила меня — лучше друга у меня не было никогда.

Капитан Эдвардс приказал сделать из шлюпочных парусов навесы — один для офицеров, другой для матросов. Нас, пленников, послали на дальний конец отмели; днем нас не караулили, однако ночью выставляли двух часовых, словно мы способны были напасть на экипаж корабля, превосходящий нас по численности почти в десять раз. Обращаться к кому-либо, кроме как друг к другу, нам тоже запретили. За пять месяцев пребывания в арестантской загар наш поблек, и теперь мы были не смуглее какого-нибудь лондонского клерка. Так как одежды у нас не было, тела наши вскоре покрылись страшными солнечными ожогами. Мы просили, чтобы нам разрешили устроить навес из еще одного паруса, однако бесчеловечный Эдвардс отказал нам даже в этом. Нам оставалось лишь зарываться по горло во влажный песок у берега.

Но более всего нас мучила жажда. Почти все

мы наглотались морской воды, и это усугубляло наши муки. Запасов удалось спасти очень мало: в первый день каждому выдали по кусочку хлеба весом в две мушкетные пули и четверть пинты вина. Лейтенант Корнер развел из обломков дерева костер, поставил на него медный чайник и, собирая капли пресной воды, которые конденсировались на крышке, набрал таким образом стакан воды. Его разделили на весь экипаж, но один из матросов сошел с ума, так как напился соленой воды.

Мы находились в слишком тяжелом состоянии, чтобы разговаривать; страшная жажда и боль от ожогов не давали нам заснуть. Наутро штурмана Эдвардса послали в большой шлюпке на место кораблекрушения, чтобы подобрать полезные вещи, которые там, возможно, еще плавали. Тот вернулся с обломком брам-стенги и кошкой, которая чудом спаслась, вцепившись в какую-то доску. Однако бедное животное почти сразу же погибло: ее ободрали и сварили, а из шкурки соорудили шляпу для одного из офицеров, потерявшего свой парик.

На следующий день плотники принялись готовить шлюпки к долгому переходу. Из днищевого настила они сделали стойки, прикрепили их к фальшборту и натянули между ними парусину, чтобы перегруженные шлюпки не захлестывало волнами.

Утром 31 августа капитан Эдвардс построил всех оставшихся в живых, причем пленников в некотором отдалении от остальных. И офицеры, и матросы, и пленники имели самый жалкий вид. Доктор Гамильтон успел мне шепнуть, что ему удалось спасти свой сундучок с лекарствами, а с ним и мои рукописи и дневник. Поскольку некоторые из пленников были полностью обнажены, врач убедил капитана отдать нам остатки парусины, и мы смогли хоть как-то прикрыться от безжалостного солнца.

Эдвардс некоторое время молча прохаживался взад и вперед перед нами, потом заговорил:

— Матросы, впереди у нас долгое и опасное плавание. Ближайший порт, где мы можем получить помощь — это голландское поселение на Тиморе, милях в четырехстах-пятистах отсюда. По пути нам будут встречаться острова, но населены они дикарями. Запасы провизии у нас весьма скудны, поэтому рацион ваш будет очень мал, но все же достаточен, чтобы не умереть с голоду. Ежедневно в полдень каждый офицер, матрос и пленник будет получать свою порцию: две унции хлеба, полторы унции солонины, пол-унции сухого солода, два маленьких стаканчика воды и стаканчик вина. Будем надеяться, что в пути мы сможем пополнить наши запасы, но особенно рассчитывать на это не приходится. Если ветры и погода будут нам благоприятствовать, мы сможем добраться до Тимора недели за две, но я хочу вас предупредить, что вряд ли это удастся. Но недели за три, если ничего чрезвычайного не случится, мы достигнем пункта назначения. Большинство наших припасов будет на катере, и поэтому, а также для помощи друг другу и защиты, шлюпки должны стараться плыть вместе. Я рас-

считываю, что вы будете беспрекословно подчиняться приказам. От этого зависит наша безопасность, и любое нарушение дисциплины будет сурово наказываться. Капитан Уильям Блай проделал такой же путь в гораздо более перегруженной шлюпке и при более скудных запасах. Он добрался до Тимора, потеряв только одного человека. Что сделал он, сможем сделать и мы.

Эдвардс повернулся в нашу сторону.

— Что же касается вас, то не забывайте, что вы — пираты и бунтовщики, которые следуют в Англию, чтобы понести вполне заслуженное наказание. Правительство его величества приказало мне заботиться о сохранности ваших жизней. Этот долг я буду продолжать исполнять.

Шлюпки подтащили к воде, и нас разделили. Моррисон, Эллисон, и я попали в шлюпку, в которой плыл капитан. Мы быстро погрузились и взяли курс на Тимор.

Ветер был попутным, море спокойным и, отойдя от отмели, мы тотчас поставили парус. Эдвардс сел на руль. Он выглядел таким же изможденным и оборванным, как и любой из его матросов, но глядя на его плотно сжатые тонкие губы и выражение лица, можно было подумать, что он прохаживается по квартердеку «Пандоры».

Моррисона, Эллисона и меня разместили на носу шлюпки. Всего в ней сидело двадцать четыре человека, поэтому отделить нас от матросов не представлялось возможным, однако, чтобы мы с ними не общались, Эдвардс посадил рядом с нами двух офицеров.

В полдень раздали еду и питье. Помощник штурмана достал весы и, пользуясь мушкетными пулями вместо гирек, отвесил еду. На нашей шлюпке было лишь два стаканчика, поэтому поначалу каждому пришлось выпивать свою норму сразу, однако позже мы раздобыли раковины моллюсков и могли тянуть свою порцию долго.

Все утро четыре шлюпки держались примерно в миле друг от друга; работа на веслах превратила нашу жажду в тяжелейшее мучение. Большинство из нас было без шляп, а тропическое солнце пекло немилосердно. Некоторые опускали какую-нибудь тряпку за борт и обертывали ею голову, кое-кто смачивал тело морской водою, но от этого на коже выделялась соль, отчего еще больше хотелось пить, а во рту появлялся тошнотворный привкус. Иные, впав в отчаяние, начинали умолять о дополнительной порции воды, а один матрос попытался даже отнять стаканчик у товарища и пролил драгоценную влагу. За это помощник боцмана оглушил его пустой бутылкой — чего при данных обстоятельствах тот вполне заслуживал. Капитан Эдвардс, собрав шлюпки рядом, заявил:

— Моя цель — доставить всех вас на Тимор; но если такой случай повторится, виновный будет застрелен на месте. Завтра мы должны пройти у австралийского побережья и где-нибудь безусловно добудем воду. Обещаю, что без воды дальше мы не пойдём.

Наконец наступила долгожданная ночь. Снова все шлюпки собрались вместе, их скрепили друг с другом, и нам удалось немного отдохнуть.

Наутро мы снова двинулись в путь. Показалась земля, но мы не знали наверное, был ли это материк или один из многочисленных прибрежных островов. Подойдя к заливу, который глубоко врезался в сушу, мы увидели, что берег покрыт зеленой растительностью — верный признак, что вода там есть. Наша шлюпка и еще одна, шедшая все время рядом с нами, вошли в залив. Матросы гребли изо всех сил, но приближались к берегу мы довольно медленно. Когда, наконец, берег был уже близок, некоторые матросы начали прыгать в воду, но Эдвардс приказал всем вернуться и выделить людей для охраны пленных. Только после этого остальным было разрешено отправиться на берег. Через некоторое время послышался радостный вопль, и все, словно безумные, бросились туда, где ярдах в пятидесяти от воды из земли бил чудесный ключ.

Ждать было невыносимо, но в конце концов очередь дошла и до нас. Мы пили, пили, пока не дошли до такого состояния, что не могли более проглотить ни капли. Те, кто напился, отползли в тень и сразу же засыпали. Эдвардс без сомнения с радостью остался бы здесь на некоторое время, но две другие шлюпки каким-то образом прошли мимо этого залива и подать им сигнал было невозможно. Офицеры пинками подняли людей, и, наполнив водою наш маленький анкерок, чайник, две бутылки и даже водонепроницаемые башмаки, принадлежавшие канониру, матросы снова расселись по местам.

Выйдя в открытое море, мы увидели, что другие шлюпки ушли далеко вперед. Мы поспешили им вслед, но настигнуть их нам удалось лишь к середине дня. Эдвардс решил, что возвращаться назад нет смысла, выдал командам этих шлюпок по три стаканчика воды, и мы продолжили путь.

На следующее утро нами была сделана попытка зайти на другой остров, где по нашим расчетам должна была быть вода, но оказалось, что он населен весьма недружелюбно настроенными дикарями, и мы от намерения своего отказались. Уже почти в сумерки показалось еще несколько островков. Эдвардс решил рискнуть и пристать к ближайшему из них. В два часа ночи мы вошли в маленькую бухточку, которую я до сих пор вспоминаю с удовольствием. Ночь была прохладная и безоблачная, луна лила свой чарующий свет на зеркальную поверхность воды. Четыре шлюпки, соблюдая полнейшую тишину на случай, если и этот остров населен дикарями, вошли в бухту. Мы ступили на плотно слежавшийся прохладный песок. К пленникам приставили охрану, после чего два отряда направились в глубь острова, а остальные остались на берегу с оружием наготове. Приблизительно через час оба отряда вернулись с утешительными вестями: остров необитаем и на нем есть вода. В эту ночь всем удалось вдоволь напиться и выспаться.

Я проснулся на заре и почувствовал себя выпавшимся и голодным. Остальные, исключая Моррисона, еще спали, однако капитан Эдвардс по мере пробуждения матросов посылал их на поиски пищи. Ничего съедобного, однако, им отыскать не удалось, и я предложил профосу наши

услуги. С большою неохотою Эдвардс согласился, не желая, по-видимому, быть обязанным пиратам и мятежникам.

Мы нашли дерево с волокнистой корою и свили из нее лесу, на которую привязали крючки, сделанные из гвоздей. Затем вырезали удилища и под охраной матросов сели в одну из шлюпок. Во время нашего долгого пребывания на Таити мы неплохо научились у туземцев ловить рыбу и моллюсков и часа через два вернулись с хорошим уловом. Рыбы, омаров и раковин оказалось достаточно, чтобы два раза накормить всех. Ни слова благодарности за это мы от Эдвардса не услышали, однако нам приятно было видеть, с какой жадностью матросы набросились на еду.

Утром 2 сентября мы вновь погрузились на шлюпки и перед закатом были уже в открытом море; тут нас ждала новая опасность: западный ветер поднял сильную зыбь, и так как шлюпки сидели глубоко, из них постоянно приходилось вычерпывать воду. Черпаками нам служили тяжелые раковины, найденные на острове. Весь первый день мы не знали ни минуты отдыха.

Вечером снова связали шлюпки вместе, однако на сильной волне тросы постоянно рвались, и в конце концов нам пришлось отказаться от этой затеи и довериться providению. На каждой шлюпке через двухчасовые промежутки стреляли из мушкетов, чтобы знать местонахождение друг друга. На рассвете мы увидели, что нас разбросало довольно сильно, а одной шлюпки вообще не было видно. Через несколько минут, правда, мы заметили вдалеке ее мачту, когда она поднялась на гребень волны. Ночью шестого сентября мы вновь попытались связать шлюпки вместе, и вновь нам пришлось от этого отказаться. Тогда Эдвардс на всякий случай сообщил всем шлюпкам широту и долготу Тимора, но нам посчастливилось продержаться вместе всю следующую неделю. Голод и жажда мучили нас по-прежнему. На нашей шлюпке матросам удалось один раз поймать какую-то морскую птицу. Ее мясо и кровь были по жребию разделены на двадцать четыре части.

Утром тринадцатого мы увидели землю — голубоватое облачко на горизонте. Вначале мы просто не могли поверить, что это Тимор, однако мало-помалу даже скептики признали, что мы видим действительно землю. Однако наши душевные и физические силы были столь истощены, что мы даже не смогли обрадоваться этому.

В довершение всех несчастий днем мы попали в полосу мертвого штиля. Сразу же были разобраны весла, и из последних сил мы принялись грести. Однако работать на веслах могли далеко не все; на нашей шлюпке некоторые пожилые матросы не имели сил даже сидеть — они лежали на дне, стонали и просили воды.

К полудню следующего дня мы подошли довольно близко к суше. Других шлюпок не было видно — мы потеряли их из виду еще накануне. Жажда сделалась столь невыносимой, что Эдвардс решил раздать последние запасы воды — по полбутылки на человека. Вода придала нам сил, и мы двинулись вдоль берега, выискивая место для высадки.

Как выглядел Тимор с моря, я не помню. В памяти моей запечатлелись лишь смутные картины зеленых холмов и далеких гор. Взгляд каждого из нас был прикован к береговой полосе. Прибой везде был очень силен, и в течение нескольких часов мы не могли найти места, где можно было бы высадиться на берег без риска разбить шлюпку в щепы. Ближе к вечеру мы подошли к более тихому месту, и двое матросов поплыли на берег, привязав себе на шею бутылки. Они плыли вдоль берега, пока не нашли грязноватый ручей. Напившись, мы вновь пошли вдоль берега, пока, наконец, на следующее утро не наткнулись на удобное для высадки место, рядом с которым бил прозрачный ключ. Это произошло как нельзя более кстати, потому что еще сутки без воды никто из нас не продержался бы.

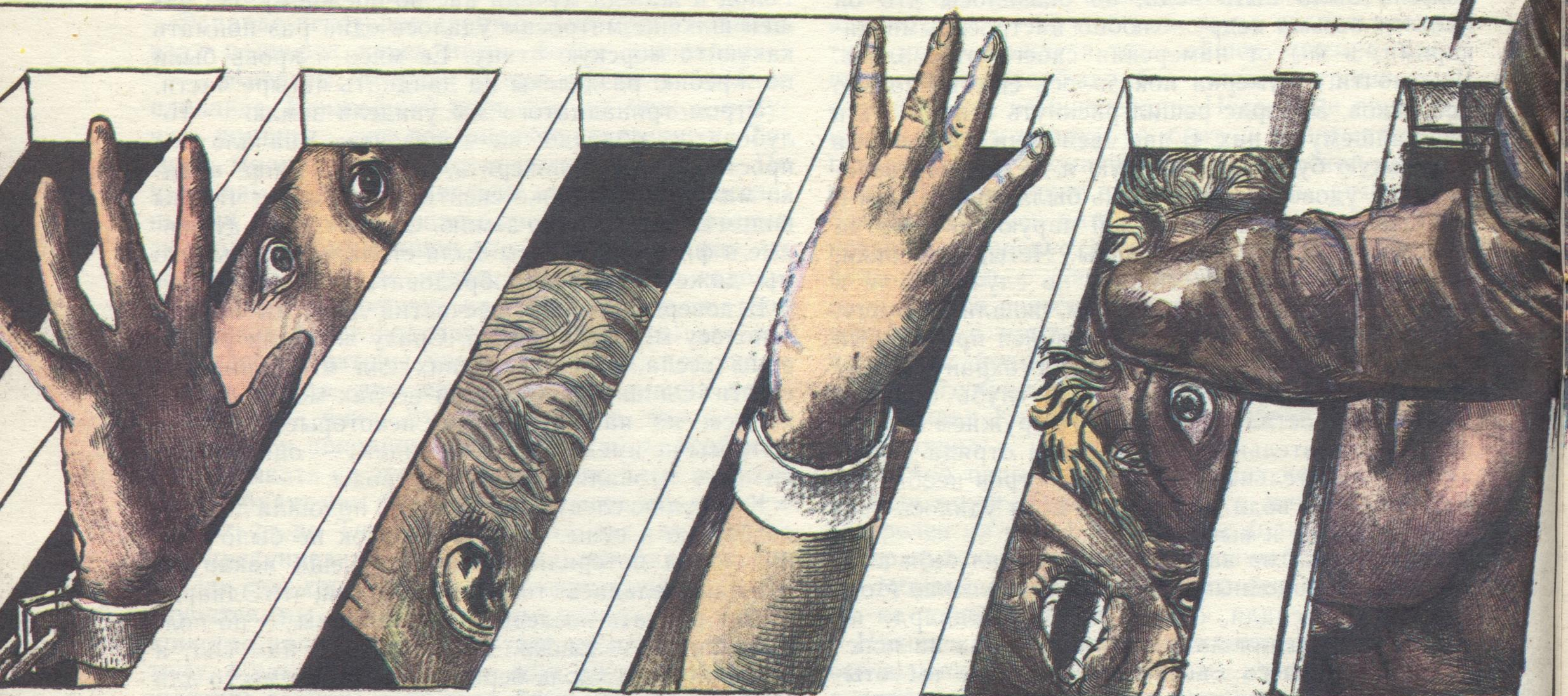
15 сентября около полуночи наша шлюпка подошла на расстояние пушечного выстрела к форту в бухте Купанг. Все вокруг спало. Неподдалеку виднелся корабль и несколько небольших суденышек, однако тьма не позволила нам разглядеть, есть ли среди них хоть одна шлюпка с «Пандоры». Ночь была тиха, и только на одном из бастионов форта печально выла собака. Так нас приветствовал Купанг. Измученные долгим путешествием, мы решили подождать утра и уснули в шлюпке. Никогда мы еще не спали так крепко.

О том, что произошло между нашим прибытием в Купанг и минутой, когда мы увидели утесы Англии, я расскажу лишь вкратце. Капитан Эдвардс и его экипаж нашли в Купанге теплый прием у голландской Ост-Индской компании. Мы же, пленники, были гостями другого рода. Нас сразу же препроводили в форт и посадили в караульное помещение — мрачную камеру с каменным полом, освещавшуюся сквозь два маленьких зарешеченных оконца, прорезанных высоко в стене. Присматривавший за нами все тот же Паркин позаботился, чтобы удобств у нас было как мож-

но меньше. Эдвардс не посетил караульное помещение ни разу, однако доктор Гамильтон о нас не забыл. Первую неделю он ухаживал за больными с «Пандоры». Некоторые из них умерли через несколько дней после нашего прибытия на Тимор. Но как только Гамильтону представилась возможность, он пришел к нам в тюрьму в сопровождении голландского врача. У нас к этому времени стало настолько грязно, что прежде чем он вошел, слуги голландцев вместе с нами дочиста выскребли все помещение. Мы принялись умолять доктора Гамильтона, чтобы он попросил назначить вместо Паркина лейтенанта Корнера. Все напрасно: Корнер был слишком честен и добр, и Эдвардс на это не пошел.

6 октября мы вместе с оставшимися в живых членами экипажа «Пандоры» сели на корабль «Рембанг» голландской Ост-Индской компании, который должен был доставить нас в Батавию, на остров Ява. «Рембанг» был очень старым и так тек, что приходилось непрерывно откачивать воду. Эту работу возложили на нас, но как ни тяжела она была, мы предпочитали ее заключению в трюме. Около острова Флорес поднялся жестокий шторм, налетевший так внезапно, что почти все паруса разлетелись в клочья. Голландские моряки решили, что судну конец, тем более, что вдруг отказали помпы и «Рембанг» начало быстро сносить к берегу. Лишь благодаря Эдвардсу, взявшему на себя командование, да нескольким опытным матросам, нам удалось избежать кораблекрушения.

В Самаранге «Рембанг» немного подлатали, и мы дошли на нем до Батавии, где компания разделила нас на четыре части и отправила на своих кораблях в долгий путь до Голландии. Капитан Эдвардс, несколько его офицеров и десять пленников, в том числе и я, были помещены на корабль «Врееденбург». Дойдя до мыса Доброй Надежды, мы нашли там английский корабль

«Горгона» и пересели на него. У мыса Доброй Надежды мы простояли три месяца. Лейтенант Гарднер, командир «Горгоны», относился к нам неплохо: мы были прикованы только за одну ногу, ручных кандалов нам не надевали и даже выделили старый парус, на который мы могли ложиться ночью. Во время долгого перехода в Англию нам позволяли ежедневно проводить несколько часов на палубе. Все это весьма злило Эдвардса, но корабль был не его и он не мог ничего поделать.

19 июня мы прибыли в Спитхед и до темноты успели бросить якорь в Портсмутской гавани. Со дня выхода «Баунти» в экспедицию прошло четыре с половиной года, из которых почти год и три месяца мы провели в кандалах.

На всех судах, стоявших в Портсмутской гавани, было известно о приходе «Горгоны», равно как и о том, что на ее борту находится несколько мятежников со знаменитого «Баунти». 21 июня 1792 года нас перевели на стоявший в гавани военный корабль «Гектор», где мы должны были ожидать суда. День стоял облачный, собирался дождь, короткие волны разбивались о нос шлюпки. Мы двигались мимо кораблей, вдоль бортов которых толпились матросы, желавшие на нас поглазеть.

На борту «Гектора» нас приняли весьма торжественно. По обеим сторонам трапа стояли моряки, держа в руках мушкеты с примкнутыми штыками. В глубоком молчании мы прошли сквозь строй и спустились на пушечную палубу. Нас провели в корму, в кают-компанию младших офицеров, и мы с облегчением увидели, что больше с нами не собираются обращаться так, как делал это капитан Эдвардс. Никаких кандалов, приличная пища, подвесные койки — короче говоря, большего в нашем положении и ожидать было нельзя.

Несмотря на перенесенные нами мучения, на кандалы, столь долгое время терзавшие нас, все мы, как это ни странно, были здоровы. Команда

же «Пандоры» этим похвастаться не могла: более десяти человек умерли на Тиморе, в Самаранге и Батавии. Капитан Эдвардс, без сомнения, полагал, что нашим хорошим состоянием мы обязаны ему, но мы чувствовали себя хорошо не благодаря его обращению, а вопреки ему.

Не прошло и часа, как меня вызвали в каюту командира корабля, капитана Монтагью. Отпустив часового, он весьма учтиво предложил мне сесть. О бунте не было сказано ни слова. Минут пятнадцать мы весьма мило болтали, словно я был офицером, которого капитан пригласил к себе отобедать. Он расспросил меня о крушении «Пандоры» и о нашем переходе на Тимор. Наконец он открыл ящик стола и протянул мне небольшой пакет.

— Здесь несколько писем для вас, мистер Байэм. Я оставлю вас одного, можете побыть здесь, сколько вам нужно. Когда будете готовы возвратиться, просто отворите дверь и скажите об этом часовому.

Он ушел. Дрожащими руками я вскрыл пакет. Там лежало письмо от сэра Джозефа Банка, написанное несколько дней назад, вскоре после прибытия «Горгоны». Он сообщал, что полтора месяца назад моя матушка скончалась. В пакете лежало ее письмо ко мне, написанное накануне кончины...

Через несколько дней сэр Джозеф пришел меня навестить. Родной отец не мог быть ко мне добрее. Он повидал мою мать за несколько недель до ее смерти и подробнейшим образом рассказал мне об этом посещении. Он хорошо помнил все, что она говорила; я расспрашивал его, пока сердце мое немного не успокоилось. Я почувствовал, что силы во мне прибывают. Избавив меня от отчаяния, сэр Джозеф с интересом принялся расспрашивать меня о таитянском словаре и грамматике. Я рассказал, что рукопись спас доктор Гамильтон.

— Прекрасно, Байэм, прекрасно! — воскликнул он. — Какая-то польза от путешествия «Баунти» уже есть. Я встречусь с доктором Гамильтоном, как только он прибудет в Англию. Но хватит об этом. Сейчас я хочу услышать все о бунте, вплоть до мельчайших подробностей.

— Вы слышали показания капитана Блая, сэр? Если да, то вы знаете, что он меня выставил в черном цвете.

— Знаю, — серьезно ответил сэр Джозеф. — Капитан Блай мой друг, и я прекрасно знаю как его достоинства, так и недостатки. Он искренне верит в вашу причастность к делу, но будьте уверены — я ни секунды не сомневался в вашей невиновности.

— Капитан Блай сейчас в Англии, сэр?

— Нет. Его снова послали на Таити за саженцами хлебного дерева. На этот раз, надеюсь, все пройдет удачно.

Это известие меня не порадовало. Я был уверен, что, встретившись с Блаем, сумею убедить его в моей невиновности, заставлю его признать, что он сделал неверные выводы из моего разговора с Кристианом. Теперь же, поскольку он в плавании, Адмиралтейство будет располагать только его письменными показаниями.

— Не надо думать об этом, Байэм, — проговорил сэр Джозеф. — Все равно тут уж ничего не поделаешь. Рассказывайте и помните, что я совершенно ничего не знаю о вашей роли в этом деле.

Я подробно рассказал ему о мятеже и обо всем, что последовало за ним. Он меня почти не прерывал. Я замолчал и с нетерпением стал ждать, что он скажет.

— Байэм, мы должны смотреть фактам в лицо: вы находитесь в серьезной опасности. Мистер Нельсон, знавший о вашем желании уйти вместе с Блаем, умер. Рулевой Нортон, который был в курсе намерений Кристиана убежать с корабля, — тоже.

— Я знаю, сэр. Мне сообщил об этом доктор Гамильтон.

— Доказать вашу невиновность возможно лишь представив показания только одного человека — вашего друга Роберта Тинклера.

— Но ведь он же благополучно вернулся в Англию!

— Да, но где он теперь? Его нужно отыскать как можно скорее. Вы упоминали, кажется, что он родственник Фрайера, штурмана с «Баунти»?

— Да, сэр.

— В таком случае, я, видимо, смогу его найти. В Адмиралтействе я узнаю, на каком корабле он теперь.

До этой минуты я считал само собой разумеющимся, что Тинклер знает, что как только я вернусь в Англию, он мне понадобится, но сэр Джозеф полагал, что это вовсе не так.

— Я считаю маловероятным, что он знает о показаниях, которые дал в Адмиралтействе капитан Блай. Ему может и в голову не прийти, что ваш разговор с Кристианом используют против вас. Вполне возможно, что Тинклер просто забыл, что Блай подслушал этот разговор, поэтому не беспокоится о вашей судьбе. Его следует разыскать немедленно.

— Как скоро состоится суд, сэр? — поинтересовался я.

— Все зависит от Адмиралтейства. Но это дело так долго оставалось открытым, что они захотят покончить с ним как можно скорее. Им только придется дожидаться прибытия остальных людей с «Пандоры», но это должно произойти со дня на день.

Сэр Джозеф поднялся — ему нужно было спешно возвращаться в Лондон.

— Я скоро вам напишу, — сказал он. — Будьте уверены, что если ваш друг Тинклер в Англии, я его разыщу.

Вернувшись к товарищам по несчастью, я пересказал им свой разговор с сэром Джозефом Банком, обойдя лишь молчанием его мнение об участии, которая ждет Миллворда, Беркитта, Эллисона и Маспратта. Он считал, что эти люди обречены, за исключением разве что Маспратта.

Благодаря доброте сэра Джозефа нас всех снабдили приличной одеждой, чтобы мы не выглядели на суде оборванцами. Через десять дней я получил письмо от сэра Джозефа. Оно хранится у меня

до сих пор, хотя бумага давно пожелтела, а чернила выцвели. Вот оно:

Мой дорогой Байэм!

Могу себе представить, с каким нетерпением вы ждете от меня весточки. К сожалению, на этот раз я не смог приехать в Портсмут, хотя, разумеется, предпочел бы сообщить вам новости лично.

Возвратившись в Лондон, я немедленно отправился в Адмиралтейство, где узнал, что Фрайер сейчас дома, в Лондоне — он ждет, что его вызовут как свидетеля в суд. Я тотчас же послал за ним и узнал, что Тинклеру вскоре после его возвращения в Англию предложили место помощника штурмана на торговом судне «Караибка». Для молодого человека это прекрасное место, возможность выдвинуться, и Тинклер это предложение принял.

Год назад он вернулся из своего первого рейса и вскоре ушел в море снова. Около трех месяцев назад Фрайер случайно узнал, что судно Тинклера погибло в урагане недалеко от острова Куба вместе со всем экипажем.

Не стану отрицать — это большое несчастье для вас. Однако даже теперь положение ваше не безнадежно. Я долго проговорил с Фрайером, который отзывался о вас весьма хорошо. Он убежден, что в бунте вы участия не принимали, и это его свидетельство будет очень ценным.

Я повидал также Перселла, Коула и Пековера. Они сейчас в Дептфорде и тоже ожидают вызова в суд. Все они о вас высокого мнения, а Перселл помнит, как вы сами ему сказали о своем намерении покинуть корабль вместе с Блаем. Они знают об уверенности Блая в том, что вы сообщник Кристиана, и тем не менее полагают вас невиновным.

Мой добрый друг мистер Грэхем, который уже двенадцать лет как адвокат в морском суде, предложил посетить вас. Он великолепный знаток службы и весьма способный юрист.

Прощайте, мой дорогой Байэм. Не падайте духом и будьте уверены, что я сделаю для вас все возможное.

Нетрудно представить, какие чувства охватили меня, когда я прочитал это письмо. Сэр Джозеф сделал все возможное, чтобы смягчить удар, однако я прекрасно понимал всю серьезность моего положения. Без показаний Тинклера мое дело безнадежно даже с самым умелым адвокатом. И тем не менее я решил бороться за свою жизнь до конца.

Как говорил мне сэр Джозеф, морские офицеры терпеть не могут судейских. Поэтому я был рад, что меня будет защищать мистер Грэхем, сам морской офицер. Моррисон решил защитника себе не брать. Коулман, Макинтош, Норман и Берн, надеявшиеся, что смогут легко оправдаться, наняли для этой цели морского офицера в отставке, капитана Мэнли, а офицер из Адмиралтейства капитан Бентам был назначен защищать интересы остальных.

На следующей неделе эти джентльмены побывали у нас; первым пришел мистер Грэхем. Это был высокий сухощавый человек лет шестидесяти, с безупречной осанкой, спокойным голосом и внушающими доверие манерами. Поскольку никто из нас не знал, как происходит судебное разбирательство, мистер Грэхем согласился рассеять волновавшие нас сомнения.

— Я решил обойтись без защитника, сэр, — начал Моррисон, — поэтому мне хотелось бы знать, как точно звучит та статья устава, в нарушении которой нас обвиняют.

— Я знаю ее на память, — ответил мистер Грэхем. — Статья девятнадцатая морского дисциплинарного устава гласит: «Если служащий Военно-морского флота поднимет или попытается поднять бунт под каким бы то ни было предлогом, то признанный Морским судом виновным, он должен быть предан смертной казни».

— А нет ли у суда другого выхода? — спросил я.

— Нет. Он должен оправдать, либо признать виновным и приговорить к смертной казни.

— Но если есть смягчающие обстоятельства? — продолжал Моррисон. — Предположим, на корабле вспыхнул бунт, но, как в нашем случае, часть экипажа не знала о предстоящем захвате корабля и участия в нем не принимала.

— Если эти люди остались на корабле вместе с мятежниками, закон считает их виновными наравне с мятежниками. Наши военные законы весьма суровы в этом отношении.

— Но ведь среди нас, сэр, — вмешался Коулман, — есть такие, кто с радостью покинул бы корабль вместе с капитаном Блаем. Бунтовщики задержали нас насильно, потому что нуждались в наших услугах.

— Этот вопрос суд будет рассматривать отдельно, — отозвался Грэхем. — Если люди, насильно оставленные на корабле, смогут доказать свою невиновность, никакая опасность им не грозит.

— Можно задать вам вопрос, сэр? — проговорил Эллисон.

— Разумеется, молодой человек.

— Я — один из бунтовщиков. Сначала я ни о чем таком не знал, но как и прочие, капитана Блая я не люблю и поэтому присоединился к бунтовщикам. Есть ли у меня хоть маленькая надежда?

Мистер Грэхем несколько секунд мрачно смотрел на Эллисона.

— Предпочитаю не высказывать своего мнения на этот счет, — проговорил он. — Пусть этот вопрос решит суд.

— Я не боюсь правды, сэр. Если по-вашему рассчитывать мне не на что, мне бы хотелось услышать это от вас.

Однако мистер Грэхем был непреклонен:

— Позвольте мне посоветовать всем вам не делать скоропалительных выводов. Я присутствовал на многих судебных заседаниях и знаю, что нельзя предугадать решение суда до того, как не выслушаны все свидетели.

Дни тянулись мучительно медленно. Прошел июль, за ним август, а мы все ждали.

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Голосова Настя, шестиклассница из г. Ижевска прислала нам интересную сказку о скворце и вороне.

ЗИМНЯЯ КВАРТИРА

Был у скворца скворечник. А у вороны — гнездо. Вот раз и расхвасталась ворона:

— У тебя, скворец, дом-то тесный да темный, а у меня — прелесть! Весь верх открыт!

А скворец сидит да помалкивает. Так всю весну и лето и прожил.

Но вот настала осень. Стали птицы собираться да на юг лететь. И скворец наш знакомый тоже улетел. Ну а ворона — птица гордая, осталась.

Настали холода, затрещал мороз. Стала замерзать ворона.

— Эх,— думает,— повезло же скворцу!

А скворец тем временем сидит на юге и думает: «Бедная ворона! Хоть она и хвасталась, а все же ее жалко! Что делать? Как помочь ей?!» Так сидел он и думал, как вдруг крикнет:

— Отличная идея!

Взял да и отправил на родную землю к вороне телеграмму: «Поселись в моем скворечнике тчк Застекли окно зпт жди весны и меня тчк Скворец тчк».

Получила ворона телеграмму, застеклила в скворечнике окно и сидит, ждет весны и скворца. Поняла, что зря скворцов дом ругала.

Трофимовой Ане из г. Торжка 14 лет. У нее много стихотворений о зоопарке. Одно из них мы печатаем.

СЛОН

Слон окрашен в серый цвет,
А скуднее цвета нет.
Но прекрасен серый слон,
Потому что добрый он.

Шувалов Антон из г. Ашхабада написал стихотворение на очень важную тему — о человеческой чуткости.

РАВНОДУШИЕ

Нам иногда так хочется
тепла, любви,
А нам на это равнодушьем отвечают.
И это равнодушие до глубин души
Нас глубоко собой пронзает.
И понимаем мы, что люди равнодушны,
Но понимаем мы не так,
Когда мы сами равнодушными бываем...

Да, как ни жаль,
Но это так.

Рисунок Клима Ли

БАРАБАН

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
РИСУНКИ,
СНИМКИ

В первый класс я летел, как на крыльях. Учительнице я радовался, как маме.

Первые три дня она была ласковой, а потом сказала: «Я могу быть и сердитой, особенно с теми, кто плохо учится».

«У меня показательный класс, — сказала учительница. — Я буду ориентироваться на сильных учеников, буду работать с сильными...» Вот тогда мое сердце сжалось, тогда-то я понял, в какую попал беду.

Я старался, но у меня не получалось, а она действительно работала с сильными. Переутомление, страх, отчаяние — все это накапливалось и накапливалось во мне. Мои «заскоки» в понимании материала возмущали родителей, и они от бессилия своего это изменить только повышали требовательность. Я по их указанию переписывал и переписывал, виновата была моя «тупость». Так занятия в школе стали порождать

у меня страх перед школой. От родителей мне досталось звание «оболтус». «Все могут, а ты не можешь, все успевают, а ты не успеваешь, — отчитывала учительница. — Вас 45 человек». И вот какой она выдвинула лозунг: «Нам некогда,

слабых не ждем!». Когда она так говорила, я готов был вскричать и закричать, но вместо этого опускал голову и молчал. Мне было стыдно.

Так у меня возникло отвращение к отметкам, возникла ненависть к пятибалльной системе. Не к труду, не к учебе, а к пятибалльной системе, которая, как мне кажется, жестоко делит людей не на добрых и злых, а на сильных и слабых, «тупых» и «умных». Когда мне задают вопрос, какой должна быть школа, я, перелистав все горестные воспоминания, хочу

ответить так: большой и светлой, обязательно с бассейном, чтоб учились только в первую смену, чтобы в классе было 10 или 12 человек, чтобы в школу мы ходили не за оценками и не за окриками, а за знаниями! Чтобы школа помогла найти самого себя, избавиться от одиночества и непризнанности.

Сергей Иоста,
Старый Оскол
Белгородской области

«Барабан» просит откликнуться тех, кто считает, что учиться в лучшей школе своего города, края, республики.

Я — финка. Я не очень горю по-русски, не знаю некоторых слов, у меня акцент. Мы только в 1989 году переехали в СССР из Швеции.

Куда я в школе ни сунусь, везде: «Шведка! Едь за свою границу!», «Дай жвачку!» и так далее. Я много училась русскому, но я не училась драться. В Швеции, в Стокгольме мне драться не приходилось.

Р.,
Петрозаводск

На английском Лена (отличница) получила три единицы ни за что. Забыла тетрадь, подскочила, не перевела слово... За чем такая строгость? Мне кажется, что не в одном нашем классе так, а во многих.

Лена Мальцева,
Химки
Московской области

Перед уроком дежурный, как в армии, командует: «Класс, равняйся, смирно! Класс к уроку готов!». Когда он это «протявкает», никакого нет настроения учиться. Будто мы собаки какие-то, чтоб нас «дрессировать».

Я думаю, надо, чтобы дети хоть в школе общались в мирной, спокойной обстановке, ведь в стране кругом конфликты, неужели нельзя хоть в школе создать подходящую атмосферу!

Фамилию не указываю, так как начнутся разбирательства.

пос. Веселый
Иркутской области

Я живу в Москве, но жить в Москве мне совершенно не хочется. Лучше жить на чистом воздухе, чтобы рядом были речка, степь или горы, чем среди грохота машин, дыма сигар, визиток, талонов и длинных очередей.

Однажды мы жили на хуторе под Волгоградом. От него до пристани идти 5 километров, потом ехать на речном трамвайчике 20 минут до Волгограда. Продуктов на хуторе не достанешь, приходилось каждую неделю таким путем ездить в Волгоград с рюкзаками, да еще на целый день. Но мне на хуторе очень нравилось: речка близко, воздух чистый, лес.

По-моему, ребята, живущие в маленьких городах, селлах, у моря, гораздо счастливее, чем маленькие горожане из Москвы.

Оля Благодатских,
Москва

Скопилось в душе много скорби. Раньше зайдешь в магазин, наберешь игрушек и идешь домой играть или подарить эти игрушки другу. А сейчас просто ужас. Зайдешь в магазин и выбегаешь оттуда, будто там стая злых собак. Но это не собаки, а цены.

А. Х.,
станция Динская
Краснодарского края

Мы хотим научиться защищать себя. Мы знаем, что сейчас творится в армии: сильный мучает слабого, и нам не хочется, чтобы так было с нами.

Надо уметь **ПРОТИВОСТОЯТЬ СИЛЬНОМУ**. Но так как у нас нету никаких секций, решено было заниматься самим. Директор школы дал нам школьный подвал. Чистить его нам пришлось полдня. Мы принесли туда гири, штанги и специальные книги для самоучек, поставили дверь и повесили замок.

Занимались мы всего месяца, потому что учителя забрали у нас подвал, сказав, что он им нужен для других целей. И теперь этот подвал снова стоит с выбитой дверью, исписанными стенами и обгаженным полом.

без подписи,
пос. Заря
Кустанайской области

Всем,
кто пишет
в "Барабан"

Некоторые из вас хотят опубликовать свои письма под псевдонимом или инициалами. Что ж, законное желание! Но вот понадобилось что-то уточнить в письме, а у нас ни адреса, ни фамилии, ни имени автора. Редакции эти данные надо сообщать! Ну, а само желание, конечно же, выполним.

Одновременно
я прочитал
в "Барабане" № 1-1991

...заметку Алеши Барсукова из Тынды Амурской области. Я выписываю журнал третий год и вижу, что «Барабан» за это время стал интереснее.

Ты, Алеша, наверное, уже пионер, а тебе все подавай море, игры, приключения и веселье. Нужно же и серьезно-ти чуть-чуть, ты же уже не маленький. А серьезность как раз и есть в «Барабане». Я тоже люблю игры, приключения, что же, превратим «Барабан» в игровую рубрику? Но в журнале и так не мало печатают того, что ты хочешь.

Я считаю, что в журнале юнкоров есть и мягкость, и доброта, и серьезность.

Таня Берг,
Карагандинская область

«Барабан» просит откликнуться И. Т. из Донецкой области, чья заметка опубликована в шестом выпуске. И. Т., в редакции лежит важное письмо на твое имя! А ты не дала своего адреса!

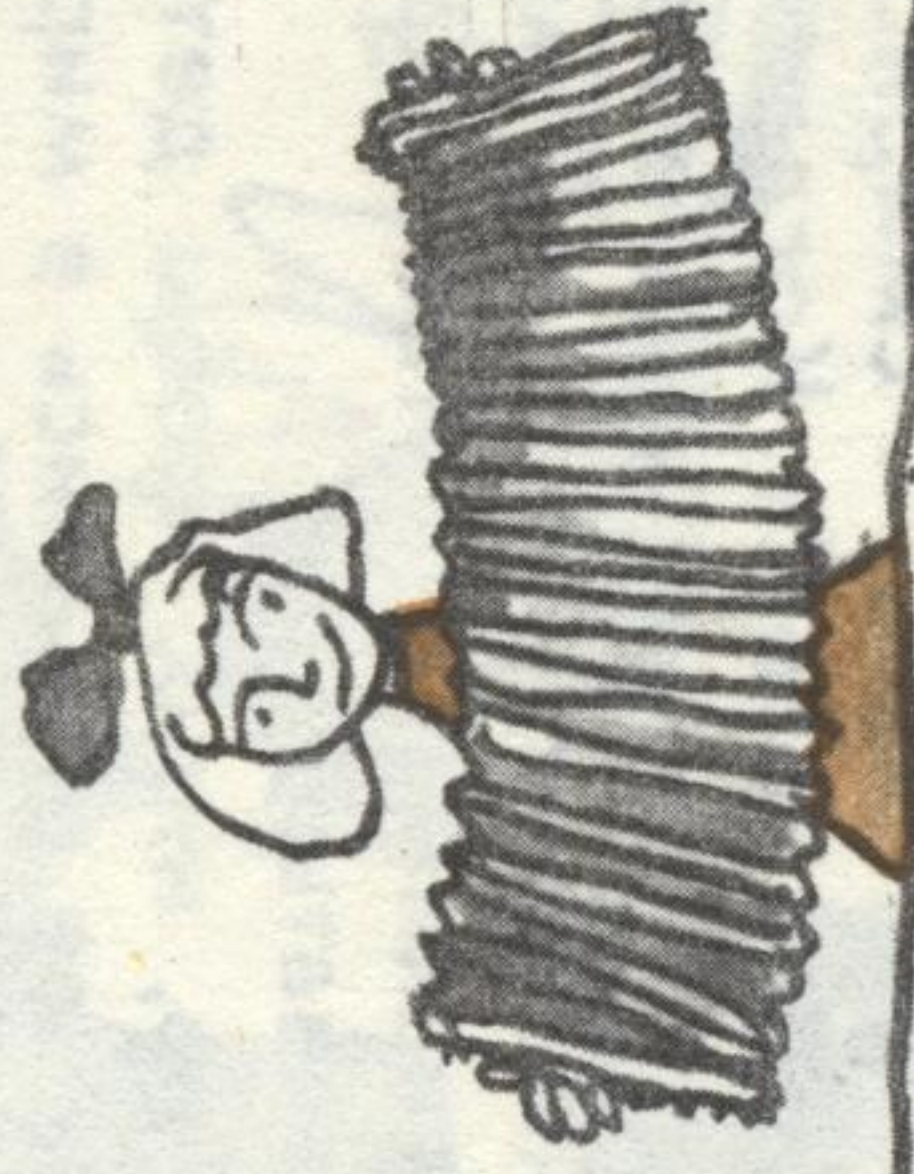

Если кто-нибудь сделает что-нибудь плохое, почему-то думают на меня. Друзья и родители в разговорах часто задевают мою гордость. Я так больше не могу. Пусть ребята посо-

ветуют, как мне поднять в классе авторитет, избавиться от клички, как выбрать хорошего, отзывчивого друга.

Мой адрес:
327046, г. Николаев, пос. Терновка, ул. Иванова, 68.

Лена Мальник

Мы с друзьями открыли кооператив «Дилавэр». Бесплатно высылаем ребятам адреса для переписки.

Если хотите найти друга, пишите нам! В письмо вложите чистый конверт.

Наш адрес:
630091, г. Новосибирск, ул. Мичурина, 19—26.

У нас в селе, на нашей улице, есть дом, в котором никто не живет. Мы собрались вчетвером и решили, что устроим там концерт. И вот однажды в воскресенье я принесла аккордеон, мы прорепетировали, и получилось отлично. На концерт к нам пришли взрослые и дети. Билет стоил 20 копеек, все платили. Я играла, а девочки — Юля Вашурина, Наташа Стефаненко и Аля Четвертакова — пели песни. Напрямер, «Желтые тюльпаны».

Надо ли брать деньги со зрителей или нет? Один раз я спросила Юлю об этом, она говорит: «Мы готовим, придумаем сами. Почему бы не брать?» А я не знаю.

Люда Савенко,
с. Нагибово
Амурской области

Человек,
которого я люблю

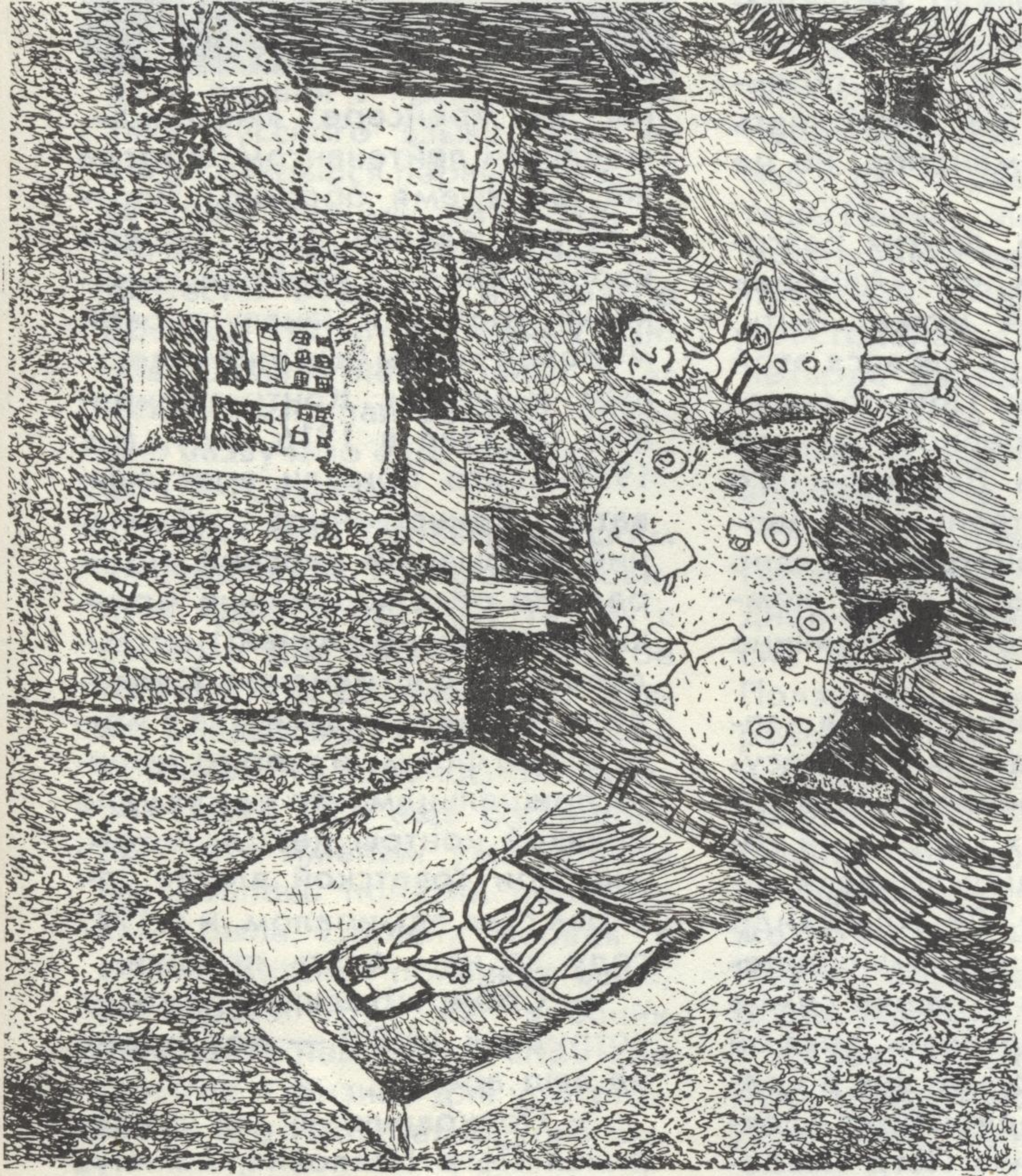

Мою бабушку зовут Мария Порфирьевна. Она живет в деревне, я приезжаю к ней на каникулы. Встречает она меня всегда радостно, печет пироги. Бабушка многое умеет, она вяжет и шьет. Время, которое проводим вместе, мы не теряем даром, она старается научить меня тому, что умеет делать сама.

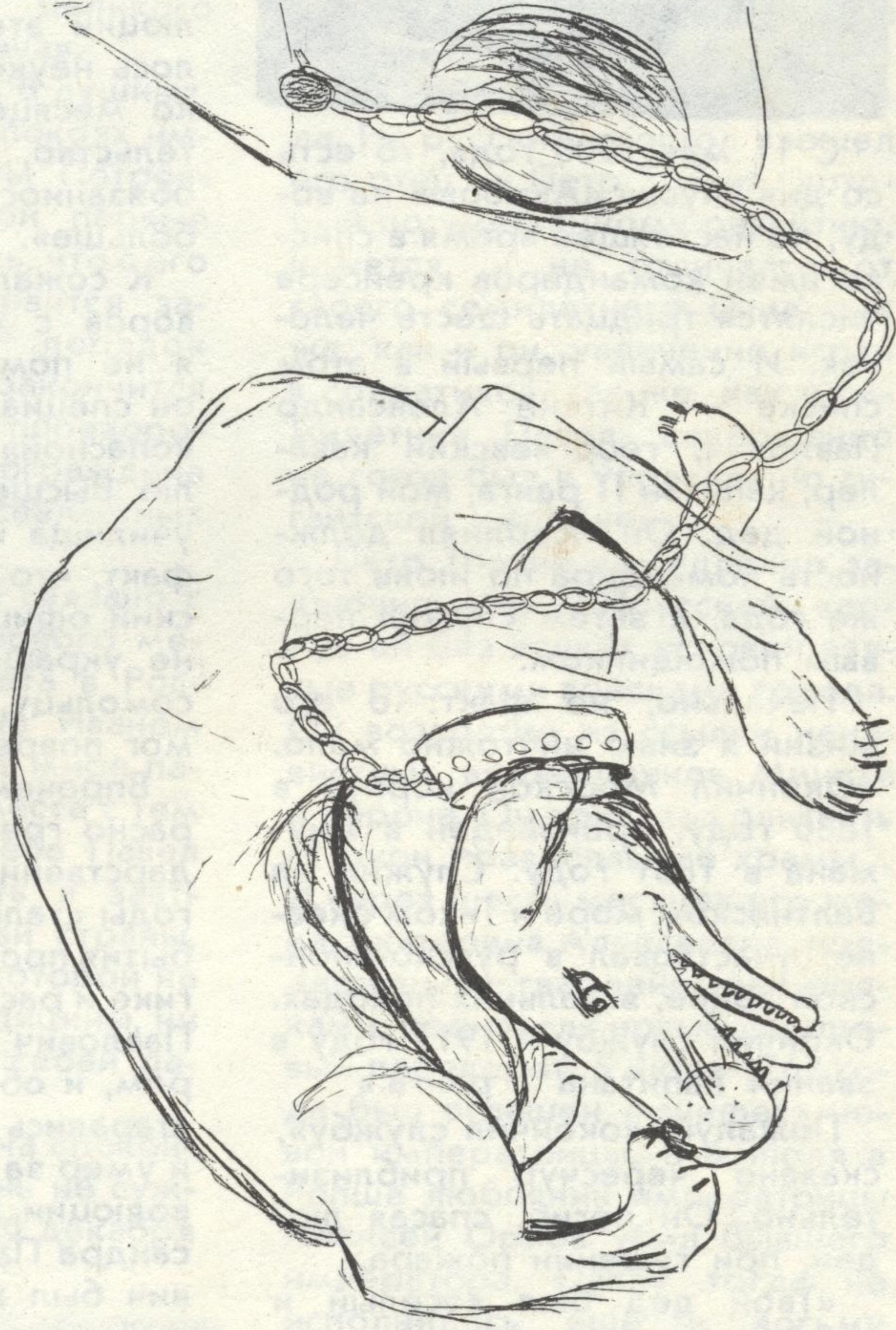
У моей бабушки очень добрые голубые глаза, нежные трудолюбивые руки. Сколько работы переделали ее руки за все годы, которые она прожила! До пенсии она работала в колхозе на прополке свеклы и ее уборке. А сейчас бабушка ведет домашнее хозяйство. В хозяйстве у нее корова, гуся, куры, утки. За всем она ухаживает.

В длинные зимние вечера бабушка прядет шерстяную пряжу и вяжет варежки, очень красивые и хорошие. Я всю зиму ношу их, руки не замерзают. Мы с бабушкой понимаем друг друга, я ей доверяю все свои секреты.

Наташа Калинина,
Старый Оскол
Белгородской области

У МЕНЯ ДОМА ДЕНИС БОЛЬШУХИН, 8 лет

СОБАКА НА ЦЕПИ ОЛЯ ШПАРБЕРГ, 12 лет

Родители говорят, что никаких «тарелок» нет и что этими рассказами людей отвлекают от серьезных проблем: «Вон в магазинах ничего нет, помогли бы твои пришельцы!» А я думаю, что еда — не главное. С такой проблемой люди спрашиваются, если захотят.

Если же НЛО нет, то получается, что 140 000 очевидцев — лгуны!.. Этого не может быть.

Оксана Бугаевская,
Луганск

Мы двойняшки.

В школу мы идем вдвоем, а из школы — вчетвером. С нами по пути Максиму и Вале. Они дружат. Нас четверых постоянно обзывают: они «муж с женой», а мы — «женех и невеста». Постоянно вешают Рите записки на спину. Например, «я беременная» или еще какую-нибудь глупость. Я снимаю записку, тогда вешают на меня. За нас только Максим с Валей. Как нам быть?

Сергея и Рита Ламбадонские,
школа № 34,
Хабаровск

С 11 мая 1900 года, то есть со дня спуска «Авроры» на воду, по настоящее время в списке имен командиров крейсера числятся тридцать шесть человек. И самый первый в этом списке — Киткин Александр Павлович, георгиевский кавалер, капитан II ранга, мой родной дед. Он исполнял должность командира по июнь того же года, а затем служил первым помощником.

Печально, но факт: о его жизни я знаю ничтожно мало. «Окончил Морской корпус в 1880 году, произведен в мичмана в 1881 году. Служил на Балтийском море и Тихом океане; участвовал в русско-японской войне, в дальних походах. Окончил службу в 1912 году в звании капитана I ранга.»

Пожалуй, «окончил службу», сказано чересчур приблизительно. Он погиб, спасая людей, при тушении пожара.

«Твой дед был веселый и очень смелый человек. Каждый его приезд домой был праздником. Однажды корабль, на котором он служил, бросил якорь на Неве, возле Николаевского моста. И я помню, как отец решил меня взять с собой. Бравые матросы доставили нас на шлюпке на борт, где я вместе с командиром сперва чеканил шаг перед строем, а затем обошел и облазил все корабельные помещения...»

Это — из воспоминаний отца. От него же я знаю, что Александр Павлович служил на «Ав-

Ветхая хроника

роре» первым помощником командира до самого начала русско-японской войны. И первое дальнейшее плавание — из Кронштадта — через Суэцкий канал — на Дальний Восток — совершил опять-таки на «Авроре».

Но почему помощником, а не командиром? Видя в моих глазах недоумение, отец уточнил: «Должность должна была соответствовать званию. До революции это правило соблюдалось неукоснительно. Несколько месяцев, пока шло строительство, он мог исполнять обязанности командира, но не больше».

К сожалению, других разговоров с отцом об «Авроре» я не помню. А может быть, он специально не касался этой «опасной» темы. Преподавателю Высшего Военно-морского училища имени Дзержинского факт, что родственник — царский офицер, биографию явно не украшал, да и сыну, комсомольцу, по той же причине мог повредить.

Впрочем, может быть, я напрасно грешу на Комитет государственной безопасности. В годы сталинских репрессий события происходили вопреки логике и рассудку. Да, Александр Павлович был царским офицером, и об этом в нашей семье старались помалкивать, хотя он и умер за несколько лет до революции. Но родной брат Александра Павловича Петр Павлович был жив и здоров. Крупный ученый, ведущий специалист по морскому минированию, доктор технических наук. В центральном военно-морском музее есть портрет контр-адмирала П. П. Киткина и материалы, рассказывающие о знаменитом изобретателе. Так что скрывая одно, мы не могли скрыть другое.

Петр Павлович прожил большую трудную жизнь. И, как говорится, были в ней взлеты и падения.

Флотскую службу он начинал во время русско-японской вой-

ны на крейсере «Аскольд», младшим лейтенантом. И тогда же, во время обороны Порт-Артура, сделал свое первое изобретение — изобрел змеиный трал. И к началу первой мировой войны был уже известным минером. Контр-адмиралом он стал в 1916 году, а в 1918-м его пришли арестовывать. Единственное обвинение — бывший царский адмирал. Но революционные моряки (редчайший случай!) не выдали своего командира. Переодели молодого адмирала в матросскую форму и твердо заявили пришельцам, что на их судне никакой контры нет. А потом, уже при советской власти, он снова стал адмиралом, и в 1937 году за ним опять пришли.

— Собирайтесь, — сказал сотрудник НКВД, — вот ордер на ваш арест.

— Полковник, — не растерялся Петр Павлович, накинув на плечи адмиральский мундир. — Вы нарушаете Устав. Арестовать меня может только равный по званию.

Честно говоря, я не думаю, что в годы страшного произвола и беззакония маршалов арестовывали только маршалы, а генералов — только генералы. Но неожиданный гость, судя по всему, оказался неискушенным:

— Извините, получилась накладка. Ждите, за вами придут.

И все на этом кончилось. Больше за ним не приходили.

В. ШУМИЛИН

Игрушки русских императоров

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ

Его рождение воспел в своей оде Ломоносов... Павлу исполнился один год, когда была издана первая в России грамматика русского языка. Два — когда открылся первый русский государственный театр. Три — когда основали Академию художеств. Будущий император рос под грохот победных залпов Семилетней войны: взят Кенигсберг, пал Берлин, впервые зазвучало еще неизвестное имя — Суворов...

Павел был первым русским императором, которого готовили к императорскому титулу с первого дня жизни. И многое из того, что делалось для Павла, делалось для всей страны и в прямом и в переносном смысле. Павел был еще ребенком, но с его именем уже прочно связывалось понятие первое... Ему была сделана первая в стране детская прививка оспы, а первый русский учебник по физике назывался: «Краткие понятия о физике для употребления Его Императорского Вы-

сочества Государя Великого Князя Павла Петровича».

И это не случайно. В душных, жарко натопленных покоях императрицы Елизаветы Петровны, где провел свои первые годы Павел, считалось, что с его рождением восстановится запутанный Петром порядок престолонаследия, закончится чехарда дворцовых переворотов, навсегда будет ограждена страна от засилия всевластных временщиков.

Конечно, никак не связано с Павлом открытие первого медицинского факультета в России или изобретение Иваном Ползуновым первой в мире паровой машины, но вместе с тем и связано. Сам по себе Павел создавал уверенность в завтрашнем дне для всей страны, ту уверенность, без которой не могло бы быть ни медицины, ни Ивана Ползунова со своей паровой машиной.

Надеждам страны на спокойную, уверенную жизнь не суждено было сбыться. 25 декабря

1761 года умерла императрица Елизавета Петровна. В этот же день и обрывается детство Павла. На русский престол взошел его отец — Петр Третий, который по умственному развитию, кажется, и не отличался от своего семилетнего сына, так же, как и он, увлеченно играл в солдатиков, так же, как и семилетний Павел, совершенно не готов был к управлению гигантской империей.

Петр Третий немедленно заключил мир с Пруссией, вернув ей без всяких условий взятые русскими войсками города. Он возвратил из ссылки ненавистных временщиков Миниха и Бирона. Он приказал очистить от икон православные храмы... И через шесть месяцев его жена, Екатерина Алексеевна, поддержанная гвардейскими полками, произвела новый дворцовый переворот. 5 июля 1762 года был оглашен манифест новой императрицы, а 6 июля в Ропше любовник императрицы Алексей Орлов убил бывшего императора. Павлу тогда не исполнилось еще и восьми лет...

Мать-императрица ненавидела своего восьмилетнего сына. Павлу было девять лет, когда она, решив выйти замуж, начала распускать слухи, что великий князь неизлечимо болен. Воспитатель Павла — Панин посадил тогда девятилетнего мальчика в седло и проскакал с ним двенадцать верст, чтобы доказать вздорность этих слухов.

Жестокость, гибель отца, интриги вокруг престола, в которые втягивали и малолетне-

го Павла, не могли не подействовать на характер ребенка. Несчастливая звезда российских императоров, кажется, тогда и взошла над его судьбой. Современники вспоминают, что уже в десять лет взгляд Павла сделался схожим с взглядом старика.

Быть может, если бы у Павла появились товарищи-сверстники, детские игры и игрушки, он и сумел бы хотя бы позабыть о разыгравшейся трагедии, но в том-то и дело, что не было в его богато обставленных покоях ни того, ни другого.

Вот записи из дневника учителя Павла — Семена Прошина:

«1764 год. 20 сентября. День рождения Его Императорского Высочества: минуло десять лет...»

С утра Павел ходил с матерью-императрицей к обедне, по окончанию обедни выслушал проповедь отца Платона и

поплакал. Возвратившись к себе, принимал поздравления от придворных, потом позавтракал. Потом один играл в бильярд... В шесть часов отправился на бал. В десятом часу лег опочивать...

Вот такой день. Еще один день одиночества и холода. Еще один день взрослого человека десяти лет от роду.

В одной из комнат помещений великого князя стоял токарный станок, в другой была сделана решетчатая птичья. Игрушек не было. Еще восьми лет от роду Павел был пожалован полковником лейб-кирасирского полка, а в десять назначен генерал-адмиралом российского флота.

И игрушки Павла точно соответствовали его нешуточным званиям. 2 октября 1764 года в приемной зале появился четырехметровый корабль, сделанный мастером Качаловым. Все было настоящим на этом корабле. Все снасти, вся палубная

обстановка... Это был настоящий, только уменьшенный под игрушку, корабль. Играть с таким кораблем не хотелось. Павел забрал с корабля шлюпку, поставил на свой стол. Устанавливал парус, раскладывал весла. Шлюпка тоже была настоящей, только уменьшенной под игрушку, и скоро Павел позабыл и про нее. На следующий день, как пишет С. Прошин, «Его Высочество изволил разбирать и укладывать сигнальные флаги у корабля своего». Вот и все игры...

«7 октября. Незадолго перед обедом поднес Его Высочеству артиллерийский один офицер родом грузинец князь Чухлыманов две духовые гаубицы и две пушки. В зале делали им пробу. Стреляли деревянными ядрами.»

Пушечки эти, изготовленные в 1756 году мастером Даниловым в масштабе один к двенадцати сохранились, но о том, как играл этими пушечками Павел, как и тем кораблем, что несколько дней простоял в приемной зале, кроме короткой записи Семена Прошина не найти ни полслова, хотя Павел — первый (опять первый!) русский император, дни детства которого расписаны по минутам...

И, может быть, потому и не играл Павел, что ясно понимал — все это не игрушки. И корабль, уменьшенный, как игрушка, и гаубицы, и звания, возложенные на него.

Странное ощущение возникает, когда перечитываешь записи Семена Прошина:

«У Его Высочества ужасная привычка, чтобы спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться... Гораздо легче Его Высочеству понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него, дружбу и милость.»

Или вот это свидетельство — преподавателя астрономии и физики Франца Ивановича Эпинуса: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке — порвется эта ниточка, машинка завернется и тут конец уму и рассудку...»

Странно читать эти записи, потому что беспрепятственно различают воспитатели Павла, наблюдая за своим одиннадцатилетним воспитанником, его будущую судьбу. И потому и различают, что печать этой судьбы уже и тогда лежала на лице Павла, на его характере...

Словно бы пытаюсь позабыть о страшном взрослом мире, из которого приносят ему притворяющиеся игрушками взрослые вещи, Павел сам придумывает себе игры.

...Ему казалось, что при нем состоит особый конный отряд из дворян в 200 человек и в этом отряде он состоит ефрейтором. Часто, в виде игры, он бегал, размахивал руками, давал приказы — производил упражнения с воображаемым отрядом.

Эти странные, чуть жутковатые — они совершались в полном одиночестве — игры пугали воспитателей Павла, но Павел обращался к ним, чтобы хоть как-то освоиться в окружающем его взрослом мире, проходя «по всем степеням службы», а не начиная ее с чина генерал-адмирала. Кстати, как пишет Семен Прошин, в своем воображаемом отряде Павел дослужился до чина вахмистра.

Вот так и рос Павел. Ему было двенадцать лет, когда отношения с матерью-императрицей окончательно испортились. Случилось это 9 июля 1766 года, когда Павел отказался принять участие в придворном празднестве годовщины восшествия на престол. Для Павла это была годовщина убийства его отца.

Он спрятался. Ночью поднялся шум. Это Орловы обыскивали парк, дворец... Прислушиваясь к грохоту сапог, забившись в темную каморку Петергофского дворца, Павел думал, что его сейчас найдут и расправятся с ним.

Во многих своих начинаниях Павел был первым. Еще чаще он оказывался первым по воле других, по воле обстоятельств. Павел был первым русским императором, для которого был составлен особый регламент для воспитания.

Следующего русского императора Александра Первого воспитывали совсем иначе...

Об этом вы сможете прочитать в номерах «Костра» в будущем, 1992 году...

Николай КОНЯЕВ

ЧЕРЕПАХА НАПОЛЕОНА

РАССКАЗЫ МОРЯКА

М. БУДИЛОВ

На острове Святой Елены я оказался, когда плывал на грузовом теплоходе. Судно стояло на рейде близ острова. Мы на шлюпке подошли к берегу. Затем пешком направились в усадьбу, где некогда доживал свои последние годы французский император Наполеон. Там есть домик, превращенный ныне в музей.

После осмотра музея мы стали вокруг настойчиво искать знаменитую черепаху, о которой нам прежде рассказывали. Поиски были безуспешны. На нас обратил внимание служитель музея, отставной солдат:

— Чего это вы, ребята, здесь ищете?

Хотя вопрос был задан по-французски, но было не трудно понять его смысл. Мы как могли объяснили, что нам нужна черепаха Наполеона.

Старый француз заулыбался и показал нам, куда надо идти. Мы быстро нашли пруд, сильно заросший тростником. Приглядевшись, мы увидели огромную черепаху. Она одиноко отдыхала в верхнем слое воды. Не двигалась, но слегка шевелила широкими лапами. По словам служителя музея, этой черепахе около двухсот лет. Но, очевидно, ее внешний вид мало чем отличался и при жизни Наполеона. Такие черепахи — долгожители, говорят, они живут и по триста лет.

К нашей радости, черепаха через некоторое время выбралась из пруда и, не обращая на нас внимания, пошла прямо на нас. Мы почтительно расступились. А черепаха, медленно волоча по горячему песку свое грузное тело, добралась до небольшого кустика и спокойно улеглась.

Мы окружили эту старушку и начали с любопытством разглядывать. Тут-то мы и увидели самое интересное. Все крупные роговые щитки ее прочного панциря были исписаны, вернее, исцарапаны острым камнем или еще чем-то. Вероятно, каждый, побывавший здесь, оставлял на спине черепахи свой автограф. Были тут надписи на английском, немецком, испанском, французском языках. По этим многочисленным автографам можно было проследить, сколько времени здесь живет эта черепаха, и кто у нее побывал в гостях. Вдруг один из наших моряков громко крикнул:

— Братцы, смотрите-ка! Здесь расписался русский Иван!

Все нагнулись пониже к панцирю и стали внимательно всматриваться и тут же убедились в наличии этого необычного автографа. Оказалось, что эта надпись относится к началу нашего столетия.

Один из группы наших моряков бросил клич, что нам тоже следует поставить свои подписи. Но я уговорил своих товарищей, что этого лучше не делать, так как черепаха стала живым экспонатом этого необычного музея. А как известно, на музейных экспонатах не разрешается делать какие-либо надписи, их даже просто трогать руками нельзя.

Черепаха продолжала спокойно лежать, греясь после купания в пруду. Ей, конечно, было не до того, что вокруг нее разгорелась дискуссия по поводу автографов. Мы вдруг прекратили разговоры и шум. Посмотрели еще раз на черепаху, помолчали и ушли, чтобы не мешать ей отдыхать. Ведь ей жить, может быть, еще следующее столетие.

Уже несколько дней наш теплоход стоял в небольшом индонезийском порту. Солнце палило нещадно. Раскаленный воздух обжигал тело и ды-

шать было тяжело. В такую жару все мы выходили на палубу только по служебным делам. Остальное время не показывались из кают.

На теплоходе грузили мешки с кокосовыми орехами тощие, темнокожие, одетые в тряпье люди, нанятые специально для этой цели японской фирмой. Орехи навалом лежали в больших кучах прямо на причале. Несколько человек накладывали их в холщовые мешки и взваливали на спины грузчиков. Те, сгибаясь под тяжестью ноши, еле-еле шли к трюму. Некоторые из них, притащив мешок, сбрасывали его с плеч и тут же падали, жадно глотая открытым ртом воздух. Отдышавшись, вставали и, не торопясь, шли за следующей ношей. Работа двигалась медленно. Казалось, ей не будет конца.

Вечером к причалам подходили женщины, старики и дети — продавцы попугаев. Птицы сидели на плечах, головах и руках своих владельцев.

Каких только не было здесь попугаев! Большие и маленькие, белые, черно-белые, красные, сизые! И почти каждый из них что-то кричал!

Я выбрал себе маленького, чуть побольше волнистого, попугайчика, белого с красным хохолком. Он удивительно напоминал пожарного в красной каске! Оказавшись у меня за пазухой, попугай сразу притих. В каюте я выпустил его на стол, он вразвалку прошел по нему, прыгнул на мою кровать и, продолжая смешно ковылять, осмотрел все уголки каюты. Летать он не мог: его крылья были подрезаны.

Нового друга я назвал Кузькой. Не знаю, понравилось ли ему это имя, но через несколько дней он стал на него откликаться. Я сделал для Кузьки деревянный обруч с перекладиной и прикрепил его к переборке, в перекладину вставил две чашечки. В одну из них наливал воду, в другую насыпал зерно кукурузы. Кузька доставал клювом кукурузное зерно, зажимал его правой лапкой и старательно выклевывал из него кусочки.

К новому дому он привык быстро. У Кузьки появилось любимое занятие. Стоило ему увидеть открытый спичечный коробок, как он начинал вытаскивать спичку за спичкой и с большим удовольствием расщеплял их на узенькие полоски. Так продолжалось до тех пор, пока не была разломана последняя спичка. Иногда, чтобы Кузька не мешал мне, я специально оставлял на столе слегка приоткрытый коробок.

Однажды, когда я пришел в каюту, Кузьки на обычном месте не было. Откуда-то доносился непонятный хруст. Я прислушался. Хруст раздавался из ниши, где стояла моя кровать. Отодвинув полог, я все понял: на моей новой рабочей спецовке сидел Кузька и увлеченно расклевывал последнюю пуговицу. С этого времени всю одежду приходилось прятать.

По совету доктора я начал купать Кузьку в ванночке. Вначале это ему не нравилось, он царапался, кричал, вырывался, но потом привык и охот-

но следовал за мной. Я намыливал его, смывал пену теплой водой, затем заворачивал в махровое полотенце и укладывал в кровать. Около полудня Кузька лежал тихо, потом начинал барахтаться в полотенце. Если я не разворачивал его тотчас, он выражал свое неудовольствие криком. А потом меня благодарил. Нужно сказать, Кузька был очень воспитанным попугаем и никогда не забывал благодарить, если был чем-то доволен. Делал он это так: садился на плечо, легонько поклевывал мне ухо и при этом очень доверчиво хлоптал.

Ко мне в каюту часто приходили моряки посмотреть попугая. Как только кто-нибудь входил, Кузька, чем бы в это время ни занимался, кричал: — «Ко-ко!», что напоминало «Кто?» Большое удовольствие получали все, когда я сажал его на стол и просил: — Кузя, попляши! — Он начинал хлопать крыльями и переваливаться с боку на бок. Моряки смеялись.

Время шло. У попугая подрастали крылья, он уже понемногу летал. Иногда кто-нибудь из моряков брал его на плечо и выносил на палубу погулять. Кузьке эти прогулки нравились. Но стоило ему услышать мой голос, как он тут же слетал с чужого плеча, находил меня, садился ко мне на плечо и начинал ворковать.

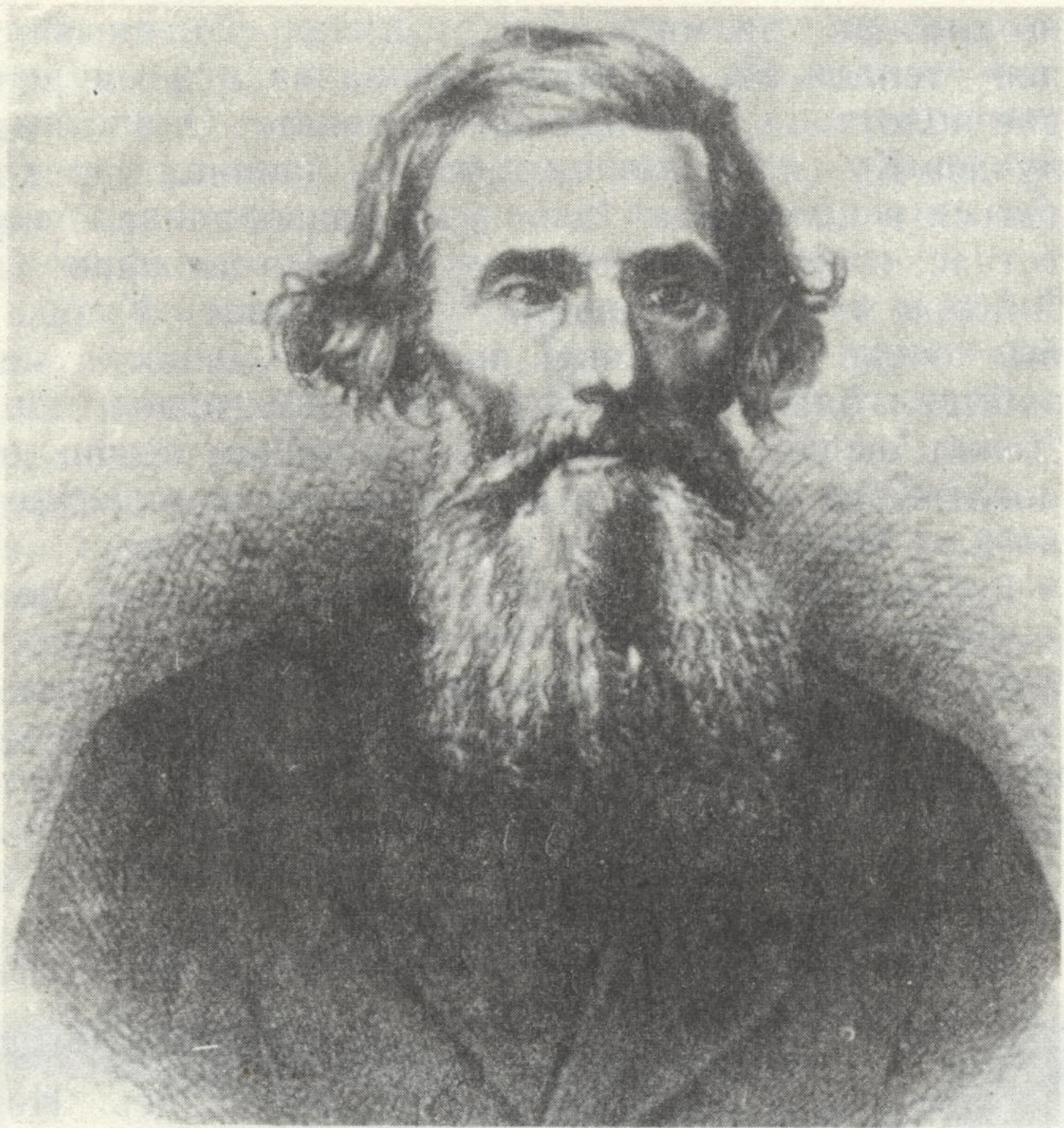
Наш рейс подходил к концу. Скоро мы были дома. Кузьку я подарил сыну. К попугаю все привыкли, он стал полноправным членом нашей семьи. Но кроме радостей, Кузька причинял и беспокойства. Случалось, он вылетал в общий коридор и склевывал там пуговицы с чужих пальто. Правда, соседи прощали шалости пернатого, так как тоже любили его и часто приходили к нам полюбоваться Кузькой.

Пришло время отправляться мне в очередной трехмесячный рейс. Кузьку оставить было не с кем. Я уже хотел отвести его в зоопарк, но сосед попросил отдать попугая ему. Не знаю почему, только мне этого не хотелось. Но другого выхода не было. Пришлось согласиться.

Перед самым уходом в рейс я зашел к соседу. Кузька стоял на столе и расщеплял свои любимые спички. Как только он увидел меня, вспорхнул, сел ко мне на плечо и стал жалобно ворковать. Должно быть жаловался, что сосед курил, а этого Кузька не любил. Казалось, он спрашивал: — Зачем ты оставляешь меня здесь? Я осторожно снял его с плеча, поставил на стол и быстро вышел из комнаты.

Больше Кузьку мне видеть не пришлось. Когда я вернулся из рейса, мне рассказали, что после моего ухода с Кузькой что-то случилось. Он отказывался от еды, перестал танцевать, даже любимые спички не привлекали больше его. Постепенно у него начали выпадать перья. До моего возвращения Кузька не дожил всего три дня...

Рисунки А. Ивашенцовой

Удивительный Дал

(1801—1872)

Казак Луганский

В 1833 году Пушкин написал «Сказку о рыбаке и рыбке». Один экземпляр рукописи он подарил с такой надписью: «...Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин».

Кого же спешил познакомить со своей замечательной сказкой наш великий поэт?

Казак Луганский — имя вымышленное, литературный псевдоним. А звали писателя и ученого, флотского офицера и врача Владимир Иванович Дал. Родился он в 1801 году в Луганске. Отсюда и его псевдоним. Но по происхождению он был не из казаков.

Отец его, выходец из Дании Иоганн Христиан Дал, первоначально служил придворным библиотекарем у императрицы Екатерины Второй. На русский лад он звался Иваном Матвеевичем. Затем он окончил медицинский факультет и работал врачом. Сын унаследовал увлечения отца. Но сначала было море.

«Гардемарин — гвардеец морской»

Так переводится с французского это звучное слово. Гардемаринами называли старшекурсников Морского кадетского корпуса в Петербурге. Позже Дал опишет в шутливых строках свое вхождение во флотскую жизнь: «В мундир нарядили, к тесаку прицепили, барабаном будили...»

Гардемарин Владимир Дал в числе 12 самых

успевающих товарищей был отправлен в заграничное учебное плавание на бриге «Феникс».

С науками Дал ладил, а с морем — не очень. Страдал от морской болезни. Это и побудило его вскоре оставить флот и заняться медициной в Дерптском университете.

В это время Дал пробует писать стихи, пьесы, прозаические произведения. Литературные занятия заставляют быть чутким к слову, его смыслу и звучанию, открывать новые слова, поговорки и пословицы. А разве не интересен быт народа? Обычаи и нравы, обряды и верования?

Первое слово было занесено им в записную книжку в 1819 году. На заснеженной равнине слышит Дал замечание ямщика о погоде: «Замолаживает»... Что это значит? Небо пасмурнеет, дело к ненастью.

Военный хирург с верблюдом, навьюченным словами

В 1828 году начинается русско-турецкая война. Студент Дал досрочно защищает диссертацию на степень доктора медицины и выезжает в действующую армию на Балканы.

Здесь он военный лекарь-ординатор подвижного госпиталя. Но он не только оперирует, вынимает пули, перевязывает раненых. Открылась счастливая для него возможность жить бок о бок с простым народом. И «жадно схватывать на лету родные речи, слова и обороты»...

А чемодан с записями едва не пропал в военной суматохе, вместе с вьючным верблюдом. Дал вспоминает, как он «осиротел с утратой своих записок: о чемоданах с одеждой мы мало заботились. Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка, и все это погибло. К счастью, казаки где-то подхватили верблюда... через неделю привели его...»

Способный хирург, пытливый собиратель словесных россыпей оказывается и смельчак отчаянный! Случалось, что из своего госпитального обоза скакал он в атаку с передовыми отрядами.

Строитель моста через Вислу

В Польской кампании 1831 года пришлось проявить врачу Далю недюжинные... инженерные способности. Корпус, где он служил, должен был переправиться через полноводную Вислу. Специальных понтонов не было. Из паромов, плотов, лодок и бочек по расчетам Даля был сооружен наплавной мост. По нему прошла даже артиллерия.

За умное строительное решение и за проявленную отвагу Дал награжден Владимирским крестом с бантом.

Чиновник особых поручений за токарным станком

«...Себе дом с неделю ладил, все лошил да гладил, ничего не изгадил, сам стружил и пилил, топором рубил...» Так забавно расскажет Дал

об устройстве своей жизни в Оренбурге. Сюда, оставив работу в госпитале, прибыл он из Петербурга. Должность у него значительная: чиновник особых поручений при губернаторе.

Что побудило его в который раз поменять место жительства, профессию?

А привлекала Даля свобода. По службе есть возможность много ездить по краю. А это значит встречи, новые записи о быте и культуре народа, открытия новых слов.

Есть возможность после службы заниматься любимым делом, точнее, любимыми делами: литературным творчеством, обработкой накопленных словарных запасов. Затем в домашнем кабинете поработать у верстака или выточить что-то на токарном станке. Вот какой удивительный чиновник особых поручений!

Оренбургские годы впоследствии Даль назовет счастливыми.

Чиновником он будет еще и в столичном министерстве, и в Нижнем Новгороде. Он дослужится до высоких, соответствующих генеральскому рангу, чинов. Последние годы жизни он проведет в Москве.

Но самое важное, что именно здесь, в Оренбурге, он поймет, что слова, им накопленные, могут составить необычный словарь.

А что же профессия врача? Он и ее не забывает.

Одно его врачебное бдение у постели больного, тяжело раненного человека, описано во многих воспоминаниях. И стало фактом истории и литературы. Человек этот — Пушкин.

...Брат...

Кажется, совсем недавно встречались они с Пушкиным в Оренбурге. Даль помогал поэту собирать материал к «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке».

Теперь Даль в столице по служебным делам, как сейчас сказали бы — в командировке. Он не был близким другом поэта и не знал о дуэли. Но когда прогремел выстрел...

«Плохо, брат!» — этими словами встретил его Пушкин. Поэт лежал в кабинете. И Даль неотлучно сидел у его постели, облегчая, как только мог, страдания. В минуту просветления Пушкин сказал: «Мне было пригрезилось, что я с тобой лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась...»

После похорон вдова поэта передает Далю пушкинский талисман-перстень с изумрудом. Не с ним ли передались и пушкинские слова: «А, право, не худо бы взяться за лексикон». То есть — за словарь.

Учредитель Географического общества и автор «Пословиц русского народа»

Перевернем еще одну страницу биографии Даля — ученого. На квартире Даля (это уже в Петербурге, в 1845 году) состоялось первое учре-

дительное заседание Русского Географического общества.

Даль известен своими трудами по естествознанию и этнографии Оренбургского края. Им образован местный музей естественных произведений. Написаны два учебника — «Ботаника» и «Зоология».

Увлеченное собирание слов и пословиц к этому времени превратилось во всепоглощающую страсть.

Ближайшая цель — составление, а там, даст Бог, и издание сборника пословиц. Их накопилось великое множество. Из ранее известных сборников Даль отбирает только 6000. Это лишь пятая доля представленного им. Стало быть, весь сборник содержит 30 тысяч пословиц и поговорок!

Откроем сборник — не устарел ли? Ведь издали в 1861 году, а собрано и того раньше. Но разве это не о сегодняшнем нашем дне: «Все по-новому да по-новому, а когда же будет по-доброму?»

Создатель словаря — почетный академик

На заседании в Академии такой речи еще не слыхивали. «Словарь Даля окончен. Теперь русская Академия Наук без Даля немислима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии вон и упраздненное место предоставить Далю»...

Даля избрали почетным академиком.

Вспомним: первое слово записано в 1819 году. Словарь вышел в 1863—66 годах, но работа над ним продолжалась до конца жизни ученого. Полвека отдано словарю — как это много! А подумаешь, посмотришь на четыре тома, где плотно, строчка к строчке уложено 200 тысяч слов. Да нет, мало. Другому и ста лет не хватило бы. Только такой одержимый человек как Даль, разносторонне образованный, владеющий многими профессиями, знающий несколько языков, мог осилить такое.

Но обратимся к словарю. Словарь — это справочная книга, содержащая определенное собрание слов. Одни словари показывают, как правильно написать слово (таков известный всем орфографический словарь), другие объясняют, как правильно понимать и употреблять слова. Несколько особняком стоят двуязычные словари. Например, немецко-русский или русско-английский. Они — для перевода слов. Есть словари информативные. Это энциклопедические словари и словари терминов. Они рассказывают о понятиях и предметах, известных людях, географических названиях.

Толковые словари относятся к нормативным. «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля — особенный. В нем помимо толкования слова дана трактовка его смысла в разных местностях, приведены пословицы и поговорки, связанные с этим словом. Дается обширное описание предметов и явлений. Это уже чем-то похоже на энциклопедический словарь.

Но почему «Живого» языка? Даль поясняет, что всегда удивлялся несходству письменного языка с устной яркой речью простого русского человека, и выносит устный язык на страницы словаря. В словаре много авторских наблюдений, сведений о быте народа, ремеслах и промыслах. И в этом смысле — он живо написан. Есть немало словарей научно-скупных. Словарь Даля можно читать как интересную книгу.

Найдешь слово «лошадь», и узнаешь, что лошадь бывает верховой, вьючной, упряжной. А упряжная бывает: коренной, пристяжной, дышельной...

А что про «масть» прочитаем? Она бывает: белая, вороная, карая, караковая, игреня, рыжая, бурая, гнедая, кауря, саврасая, соловая, буланая, изабелловая, чалая, розовая...

Посмотрим слово «упряжь» — тут четкое описание разных упряжек: и конские, и олени, и собачьи.

Или вот слово «рыба» — здесь наряду со сведениями, какая рыба как зовется, есть советы по ужению, есть пословицы, есть множество производных слов, есть уточнение по применению одного и того же слова в разных краях. Например, «рыбником» на северо-востоке России называют пирог с рыбой. Но попробуй скажи: «Хочу рыбника отведать» на Псковщине. Засмеются. Ведь рыбник здесь это рыба или торгующий рыбой. А есть места, где рыбником называют птицу, чайку. Вот какой замечательный словарь!

Если ты еще не встречался с этим словарем, зайти в библиотеку. Можно спросить просто: «Словарь Даля».

Даль — человек разносторонне образованный, многое умел и многое успел. Горячо преданный Родине — России, он с великим упорством работал над книгой — Словарем.

Содеянное им иначе как подвигом не назовешь. Подвигом всей жизни.

Удивительный Даль!

О. АЛЕКСАНДРОВ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

ОТ ХАРД-РОКА К ДУХОВНОМУ ПЕСНОПЕНИЮ

«...мы все буквы одной строки,
мы — волны одной реки!
Кулак, летящий в небс —
мы все пальцы одной руки...» —

два года назад пел лидер-вокалист группы «Август» Павел Колесник, и двенадцатитысячный стадион в едином порыве вскидывал сжатые кулаки вверх.

«Рок-н-ролл — нельзя стоять на месте,

Рок-н-ролл...» — Паша делал паузу, и стадион откликнулся благодарным ревом: «всегда быть вместе...» — Все это знакомая и кайфовая картина для любителя хард-энд-хэви. И вдруг...

Иду по Невскому и на стенде с афишами вижу плакат — «Что ты спишь, восстань, душа моя...», — поет бывший солист группы «Август» Павел Колесник. «Вот это да!» — подума-

ла я и, прихватив магнитофон, отправилась на концерт, который проходил в небольшом зале, а после концерта у нас состоялся вот такой разговор:

— Паша, то, что ты сейчас делаешь, — это здорово и так не похоже на то, чем ты занимался раньше. Объясни, что произошло?

— Да, в общем-то, ничего и не произошло. Я сделал естественный выбор в личном творчестве. Мое увлечение духовной музыкой — это не дань моде, это скорее — ступень духовного роста. Еще полтора года назад я пел рок и ни о чем таком не думал. Гастроли, концерты, записи пластинок, съемки — все как у всех артистов шло в сумасшедшем темпе, и некогда было «посмотреть на небеса».

Видимо, не случайно я попал в Храм. Оказался я в нем в связи с болезнью моей мамы.

Человек я современный, а для того, чтобы современный человек во что-то поверил, его нужно очень удивить, поразить.

Именно такое потрясение я получил от церковной службы. То, что я испытал тогда, нельзя назвать словом «кайф», нет, я почувствовал какой-то восторг, очищение и радость, что мы имеем возможность прийти в Храм и обогатиться духовно. Подобного чувства я не испытывал ни на одном роковом концерте, а посмотрел я их несметное количество у нас и за рубежом во время гастролей.

7-го октября 1989 года я принял крещение на земле владимирской, где и родился.

Сближение с Храмом и послужило тому, что я вновь оказался на сцене, но уже в качестве исполнителя песнопений иеромонаха Романа, которые пока неизвестны широкой публике. В моей новой программе звучат песни не только иеромонаха Романа, но и песни, написанные мной на стихи ленинградского поэта Михаила Каневского.

— Паша, раньше ты «заводил» тысячную тусовку, а сейчас выступаешь намеренно в небольших залах. Не жалко ли потерять ту толпу слушателей, что повторяла вместе с тобой припев, свистела и топала ногами в знак одобрения?

— Нет, не жалко. Того состояния души, которого я добиваюсь сейчас в маленьком зале, на стадионе не добиться. Зрители, приходившие на концерты группы «Август», получали заряд бодрости, энергии, а сейчас я хочу подпитывать своими песнями совсем иные эмоции. Сегодня аплодисменты для меня — не главное. Нет, они присутствуют, но... спел я песню — ее необходимо прочувствовать, над ней надо подумать... И вот какое-то мгновение в зале стоит тишина, и только потом раздаются аплодисменты. Замечу, не свист, не топот, а нормальные аплодисменты благодарных слушателей.

— А твои поклонники? Поклонники именно твоего рок-творчества, как они перенесли твоё отречение от рока? Как измену?

— Не знаю. Может, кто-то и возненавидел меня... Да, я ушел от рока и пришел, по-моему, к более серьезной музыке. Мно-

гие из поклонников очень интересуются моим новым направлением, стараются понять песни, которые я пою. Как увидят афишу — приходят на концерт, а после концерта говорят, что понравилось больше, а что меньше. Наверное, это и есть настоящие поклонники.

— Паша, к нам в редакцию приходит много писем, в которых девочки пишут, что влюбились в такого-то артиста из числа «звезд» и не знают что делать. Я знаю, что ты был объектом любви многих роковых фанатов. Посоветуй — что им делать?

— Надо научиться спокойно относиться к своему чувству и не пытаться вклинить в личную жизнь артиста. Я с грустью смотрю на девчонок, идущих на поводу у своего чувства — в Ленинграде проходу не дают, разъезжают зачастую по всему Союзу вслед за кумирами, а

чего добиваются? Музыканты отмахиваются от них, как от надоедливых мух, шугают, как бродячих кошек. По-моему, в любви вообще, а в любви к артисту в частности, нужно обязательно помнить о чувстве собственного достоинства.

— Как ты думаешь, есть ли сейчас время молодому человеку 13—17 лет заниматься проблемами души, когда вокруг и так проблем хватает?

— Да, надо находить время, надо. Я считаю, что веру в Бога ничто не заменит. Мало того, без понимания основ христианства трудно воспринять мировую историю культуры. Учение Христа всегда помогало выжить в тяжелое время, не озлобляться против людей, живущих рядом.

Спит душа наша, так пусть же пробудится как можно раньше.

А. ФИЛИПОВА

Компьютерный дуэт «Электронный мальчик» — Андрей Кузьмин и Коля Теплов — появился на экране ЦТ два года назад, и вся страна узнала, что «Дитер Болен не курит, Дитер Болен не пьет...» Кстати, будучи в Москве, Дитер Болен подтвердил, что совсем не пьет, а курить бросит обязательно.

Летом, в Ленинграде, на конкурсе «Шлягер-91» компьютерный дуэт «Электронный мальчик» стал лауреатом 3-й премии.

Наперекор стихии, или Почему у профессора Сеницына улетела одежда...

Все знают, что с профессором Сеницыным всегда происходят необычные истории. Даже в самых обыкновенных местах. А когда профессор возвращается из экспедиций, коллеги часто не могут поверить его рассказам — уж больно они фантастичны. Даже Пятитомов иногда сомневается.

— Почему с тобой случается, а с другими не случается? — часто спрашивает Пятитомов у Сеницына.

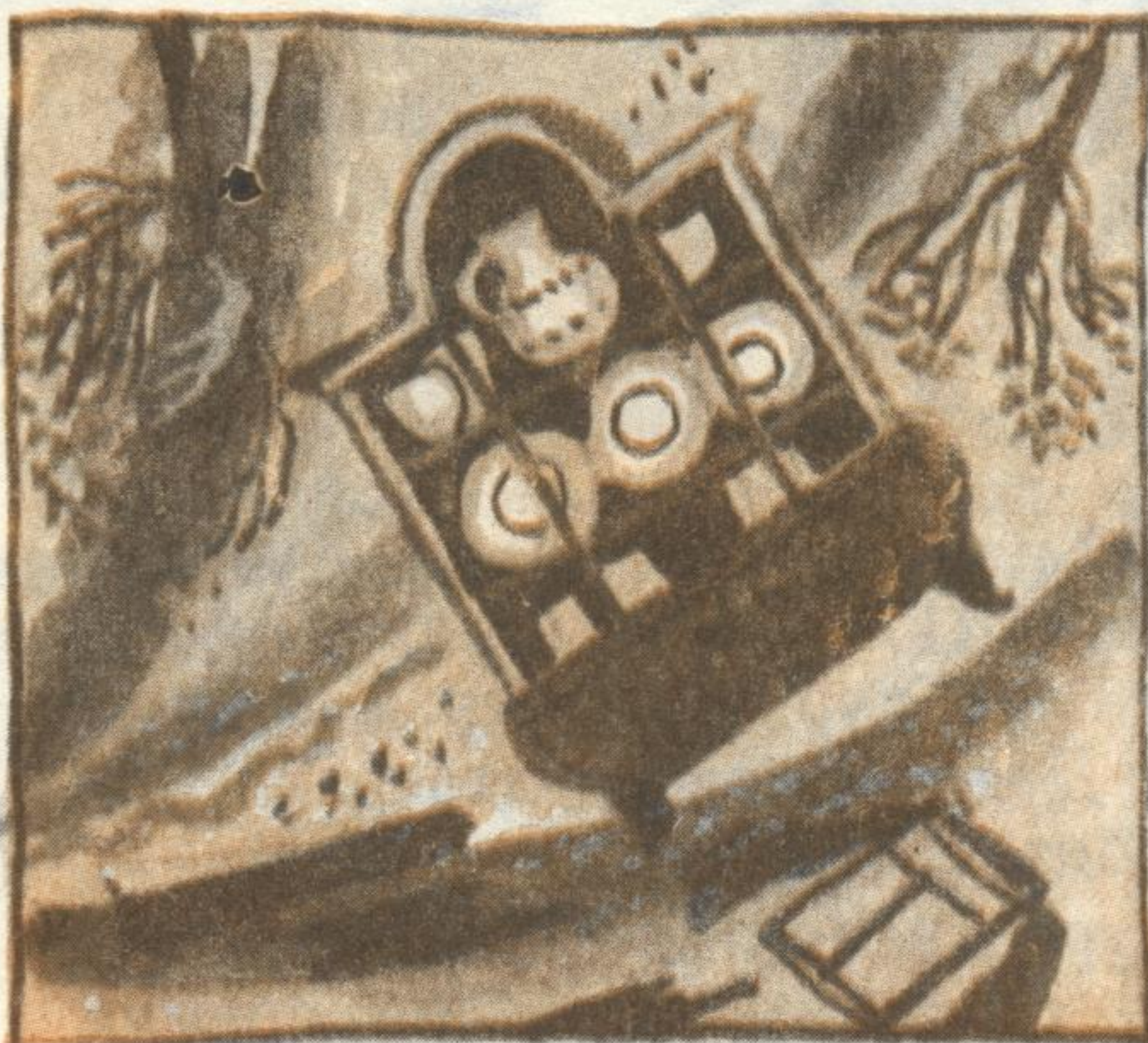
А Сеницын отвечает:

— Вот поедешь вместе со мной в экспедицию, и с тобой случится!

Такие разговоры повторялись не раз. И вот, наконец, однажды Пятитомов сказал:

— Вот и поеду!

В ближайший выходной друзья-ученые, тщательно экипировавшись и взяв с собой сухой паек, заботливо приготовленный Анной Федоровной,

выехали в экспедицию на берег Финского залива. Дальше Лисье Носа Пятитомов ехать отказался. Начинать нужно с малого.

Едва они добрались до места, как профессор, предчувствуя необыкновенные приключения, предупредил товарища:

— Теперь смотри в оба. Сейчас начнется!

Академик только скептически хмыкнул и вынул из сумки пирог с капустой. На лужайке, где стояли друзья, царил покойствие. А наверху, в грозном облаке, уже сталкивались и смешивались воздушные потоки различных направлений и температур. Как говорят метеорологи, образовывался «атмосферный слоеный пирог». Из «пирога» высунулся черный извивающийся хобот и, то укорачиваясь, то удлиняясь, стал приближаться к профессору Сеницыну. В иных частях света этот грозный и загадочный вихрь называют торнадо, в иных тромбом. В районе поселка Лисий Нос иначе, как смерчем, это явление назвать было нельзя.

Академик продолжал уплетать пирог, не глядя по сторонам, а в это время смерч, подхватив профессора Сеницына, поднял его и, вращая с чудовищной силой, понес куда-то. Даже став начинкой атмосферного пирога, профессор Сеницын не потерял самообладания. С пытливостью естествоиспытателя он наблюдал за кружением деревьев, парковых скамеек, птиц и млекопитающих, подхваченных этим же вихрем. Не забывал он и увертываться от своих невольных спутников, ставших при сумасшедшей скорости вращения опасными для профессорской жизни. Успешно избежав столкновения с полевой мышью, профессор, наконец, был опущен на лужайку внезапно стихшим смерчем.

Академик Пятитомов вытер

платком жирные после пирога губы и удивленно спросил друга:

— Зачем ты снял брюки?

Профессор Сеницын смущенно оглядел свой туалет и ответил:

— Пиджак, кажется, там же.

— Где?

— В смерче!

— Почему же ты отвечаешь только с третьего раза? И вообще ты что-то выдумываешь, — сказал академик Пятитомов, — никакого смерча не было, иначе я бы его заметил.

— Вовсе не обязательно. Сам знаешь, смерч имеет четко очерченные границы. Порой, повалив столетние деревья, он оставляет в неприкосновенности нежный одуванчик, находящийся в полуметре от только что промчавшегося вихря. И вот где проходила граница, — указал профессор на дуб, с корнем вырванный неподалеку от академика.

— А где же одуванчик? — удивился Пятитомов.

— Роль одуванчика на этот раз выполнял ты.

— Да, — пришлось согласиться академику. — Смерч — это удивительное явление природы. С фактами не поспоришь. Известен случай, когда смерч полностью разрушил дом, а буфет с посудой, не разбив ни чашки, перенес на шесть километров. Мало того — в США однажды торнадо

приподнял паровоз, перекувырнул его в воздухе и опустил на запасный путь. Но ведь это же в Америке!

— И у нас бывает не хуже! — сказал Синицын. — В 1904 году на центральном рынке столицы в смерч попал городской.

Блюститель порядка вознесся на небо и через некоторое время опустился на прежнее место — изрядно побитый градом и, к потрясению публики, почти совершенно голый.

— Ты изрядно знаком с историей вопроса, — оценил Пятитомов эрудицию друга. — Я с тобой согласен и могу даже дополнить. Иногда птицы, попавшие в смерч, оказываются после него тоже голыми, то есть ощипанными, хоть прямо сейчас на сковородку. Такова сила ветра. Но ведь ты не городской и не птица, и ни в какой смерч не попадал. Я все время

видел тебя рядом с собой и даже задавал тебе вопросы.

— А я тебе ответил?

— Только с третьего раза, — признался академик, — я спра-

шивал тебя, зачем ты снял брюки. Первые два раза ты не обратил на мои слова никакого внимания.

— Просто те два раза я был в смерче, и выходит, что ты разговаривал с миражом.

— Не может быть! — воскликнул Пятитомов.

— Напротив! Именно так и было. Мираж, как тебе известно, наблюдается в случаях возникновения прослоек холодного и теплого воздуха в атмосфере. Лучи света падают на такую поверхность очень косо и полностью отражаются от нее. Получается как бы воздушное зеркало, в котором видны различные предметы, находящиеся совсем в другом месте. Твой мираж это еще что! Как-то раз над американским городом

Берлингтоном появилось точное изображение английского города Гулля. Некоторые берлингтонцы даже узнавали своих гулльских знакомых. Поверь мне — ты разговаривал с миражом!

Академик задумался:

— Что ж, это вполне допустимо. Весьма научное объяснение. Но признайся, зачем ты все-таки снял брюки?

— Летят! Они летят! — радостно закричал профессор, указывая на небо.

Действительно, плавно оторвавшись от грозовой тучи, на лужайку, где беседовали друзья, опустились профессорские брюки. Довольный Синицын попытался натянуть их, и из штанины выпал килограммовый красавец-камп.

— Зачем ты таскаешь в шта-

нах рыбу? — спросил ошарашенный академик.

— Это все проделки смерча! — ответил профессор. — Он и не на такое способен. Вспомни хотя бы древнегреческого писателя Филарха, который описал обильный дождь из лягушек в городах Пеонии

и Дардании. Все дороги были тогда покрыты лягушками, ими были забиты реки, их находили случайно запеченными в пище. Настоящее бедствие! Да и в наше время в долине реки Аму-Дарьи в виде осадков выпадали лягушки. А в 1940 году в Новой Зеландии выдался настоящий рыбный день. Во время ливня вместе с каплями на землю сыпались тысячи рыб. А было это в двадцати километрах от морского берега! Причем рыбные ливни не зависят от климата: случаются они на побережьях и Карибского, и Северного морей.

— Это все объяснимо, — сказал академик, — когда на пути смерча попадает какой-нибудь водоем, смерч своим хоботом засасывает оттуда воду, а вместе с ней и обитателей морей, озер, рек. Соберет таким образом смерч лягушек, рыб, раков, медуз и черепах, а потом они начинают падать на головы изумленных людей. В моей нумизматической коллекции есть несколько монет, которые выпали на землю дождем после того, как смерч разворошил древний клад. Это произошло в Горьковской области. Смерч поднял монеты высоко в воздух, а когда вихрь распался, колхозники собрали на полях урожай старинных монет. Кое-что досталось и мне. Так что даже жаль, что

сегодня смерча так и не случилось.

Раздраженно натянув брюки, профессор, молчаливый, как мираж, бросился ловить свой пиджак, планирующий с неба. Пиджак приземлился на железнодорожной платформе. Экспедиция близилась к концу.

В электричке академик, профессор и красавец-камп оказались в центре внимания возвращающихся с пустыми руками рыбаков. Дорогу коротали за рыбацкими байками. Правдивая история, рассказанная профессором Синицыным о том, как он стал обладателем карпа, никого из рыбаков не удивила. Они сами рассказывали истории не менее удивительные.

Около дома академика Пятитомова друзья распрощались. Академик поднялся на свой третий этаж.

— Как прошла экспедиция? — спросила Анна Федоровна.

— Абсолютно ничего особенного. Пирог твой, как всегда, удался. Правда, Геннадий зачем-то снял брюки, но в научном смысле в этом нет ничего из ряда вон выходящего. Кстати, в синицынскую штанину карп попался. Профессор мне его отдал в память о нашей экспедиции. Недурно было бы карпа, этак, знаешь ли, в сметане... — и академик отдал рыбу супруге.

За окном накрапывал дождь. Профессор Синицын шел домой. На металлическом кончике его зонтика горел огонек, похожий на светящуюся кисточку. Такие электрические разряды изредка возникают на острых концах возвышающихся над землей предметов при приближении грозы. Их называют огнями святого Эльма. Они горят, как язычки пламени. Когда-то их считали дивным чудом, божественным знаком, предвестием побед и удач. Но теперь совсем другие времена. Действительно, как говорит академик Пятитомов, — абсолютно ничего необычного.

Рисунки
К. Почтенной

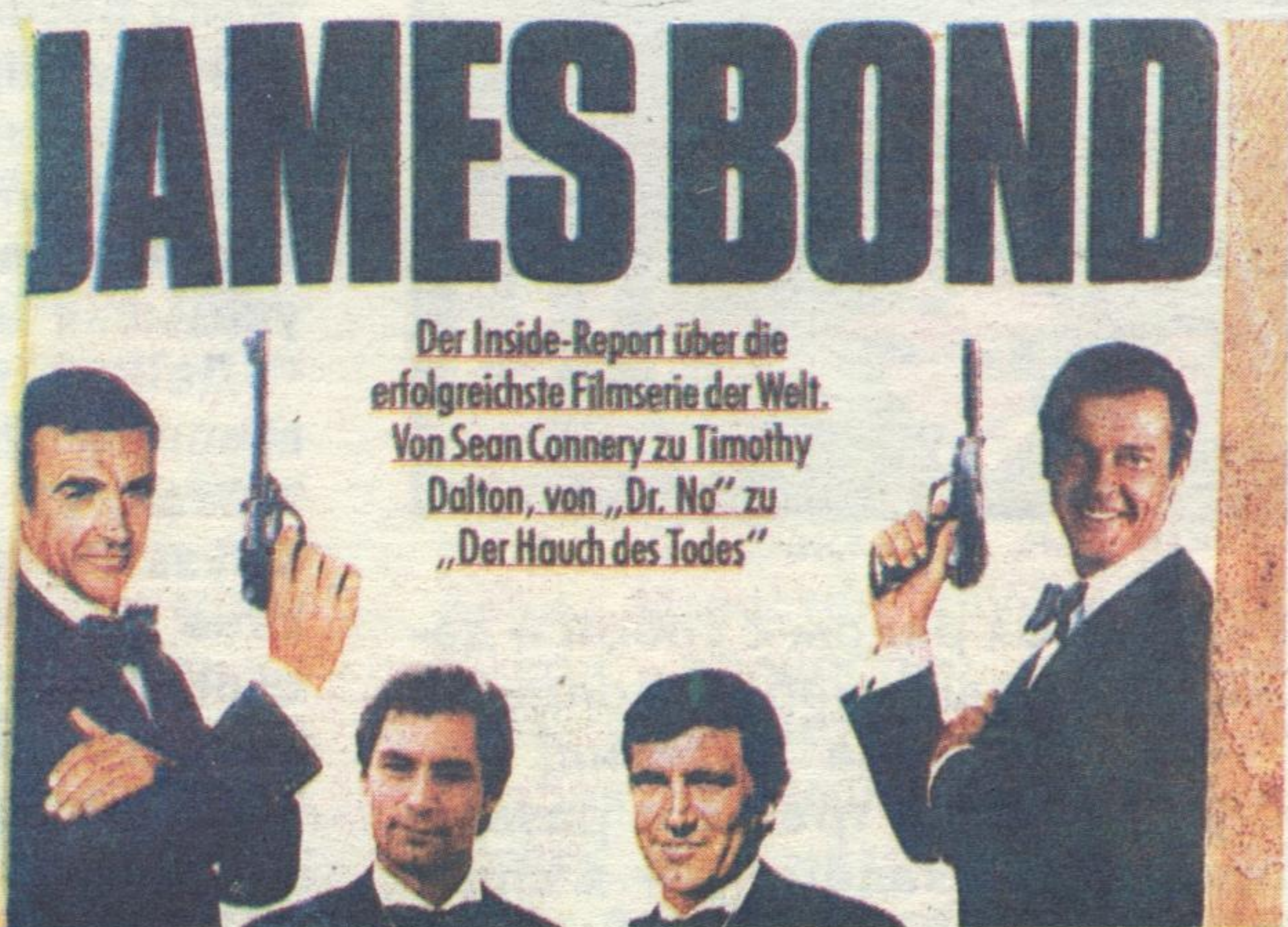
ШПИОНЫ «НАШИ» И «НЕ НАШИ»

В советском кино шпионов начали ловить еще в 30-е годы, когда повсюду в стране искали «вредителей» и «врагов народа».

А наши киноразведчики особенно популярными стали в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. Миллионы зрителей, затаив дыхание, следили за героем фильма Б. Барнета «Подвиг разведчика», которого сыграл Павел Кадочников. Это был красивый и отважный разведчик. Помните пароль? «У Вас продается славянский шкаф?» Он вошел, как говорится, в народный фольклор... Через двадцать лет другой советский киноразведчик Йоганн Вайс (он же Александр Белов, он же актер Станислав Любшин) произносил условные слова более абстрактного пароля: «Мы с тобою сегодня одинаково небрежны» в фильме «Щит и меч». И его друг — Генрих Шварцкопф (он же артист Олег Янковский) от удивления забывал отзыв: «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит»...

Однако не всегда работа разведчика показывалась как легкая прогулка по тылам противника или лихая вербовка агентов. В лучших фильмах, таких как «Мертвый сезон» С. Кулиша или «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой, труд «нашего» человека на «их» территории представлялся как тяжелая, кропотливая работа, иногда без сна и отдыха, практически все двадцать четыре часа в сутки. Поэтому зрители так полюбили и немногословного Ладейникова из «Мертвого сезона» (Д. Банионис) и элегантно-умного Штирлица (В. Тихонов). Про Штирлица даже возникла серия анекдотов и устных рассказов, что является очевидным признаком популярности героя в народе.

А ведь в основе этих фильмов — реальные события, реальные герои, настоящие фамилии которых мы не всегда и узнаем.

Не дремлют и западные деятели кино. Правда, в отличие от советского кино, где было много и разных хороших разведчиков, на Западе случилось так, что самым главным и популярным суперразведчиком и суперкиногероем стал один персонаж — секретный агент британской разведки «007» — Джеймс Бонд. Его придумал писатель Йон Флеминг, написавший целую серию романов об этом герое с феноменальными способностями, о которых в сказках говорится: «и в огне не горит, и в воде не тонет». Й. Флеминг основывался на собственном опыте работы в разведке, в том числе и против СССР. Поэтому во многих его романах Джеймс Бонд, агент с правом на убийство, борется против представителей советской разведки или разведки дружественных нам стран. Естественно, что когда Д. Бонд «ожил» на экране в серии фильмов, то и фильмы, и романы, и героя у нас в стране называли «антисоветскими».

Впервые, как герой экрана, он появился в телефильме 1954 года «Казино «Рояль» (роль играл Барри Нильсон). Но настоящее рождение Джеймса Бонда как супергероя современного экрана произошло тогда, когда эту роль в 1962 году в картине «Доктор Но» сыграл Шон Коннери. Этот английский актер еще в 5 фильмах становился Д. Бондом. Однако ему достаточно быстро надоело только прыгать, бегать, стрелять, ездить на машинах, летать на самолетах, разоблачать противников. Ш. Коннери отказался от своего героя. Замену нашли быстро. Джеймс Бонд предстал на экране в виде актера Роджера Мура (ему досталось семь фильмов). Были и еще попытки найти другого исполнителя, но такого признания и популярности как у Ш. Коннери и Р. Мура не добился ни один.

К счастью, времена ныне другие и бывший антисоветский герой Джеймс Бонд уже офи-

Passionnante histoire d'amour et d'espionnage qui réunit, pour la première fois à l'écran, Sean Connery et Michelle Pfeiffer, La Maison Russie, adapté du best-seller de John Le Carré, est aussi un événement historique : c'est la première production américaine tournée en URSS.

циально становится героем нашего киноэкрана. Так для проката в Советском Союзе был закуплен и успешно продемонстрирован один из лучших фильмов о Джеймсе Бонде — «Никогда не говори «никогда», поставленный И. Кершнером (режиссером фильма «Империя наносит ответный удар»).

Деятельность советской разведки — тема популярная в западном кино. На эту тему есть и серьезные детективные фильмы: «Парк Горького» М. Эптеда, «Змей» А. Вернея, «Письма из Кремля» Д. Хьюстона, и смешные комедии.

Сегодня все иначе. И вот уже действие нового фильма популярного режиссера Ф. Шепизи «Русский дом» вновь происходит в России в соответствии с сюжетом знаменитого романа Д. Ле Карре, по которому осуществляется кинопостановка. В России, то есть в Советском Союзе, и происходили

съемки этого фильма. Главные роли в шпионской драме исполняют популярные актеры: Шон Коннери (его герой, «по-нашему» — «Шпион», «по-ихнему» — «разведчик») и Мишель Пфайфер (может быть, кто-то помнит ее по картинам «Замужем за мафией» и «Иствикские ведьмы»). По признанию продюсера, советские разведчики абсолютно не мешали съемкам, даже тогда, когда они велись рядом со знаменитым зданием на Лубянской площади в Москве.

Очень хочется надеяться, что кинопротивостояние советских разведчиков и западных шпионов раз и навсегда ушло в прошлое, а мы с вами будем наблюдать их совместные действия на экране по защите Добра и Справедливости. В этом деле экранные супергерои, асы разведдела могут оказаться весьма полезны.

С. ИЛЬЧЕНКО

бродячих рыцарей-одиночек, ставшим популярным в более поздний период Китая).

Основываясь на принципах и опыте этих систем, в средневековой Японии стали создаваться и процветать мрачные кланы знаменитых ниндзя. Они разработали универсальную систему подготовки тела и духа. Ведь именно ниндзя были необходимы такие качества, которые в обычном бою были не столь важны. Например, необычная пластичность и гибкость, умение подолгу находиться без воздуха, ловко взбираться на отвесные стены и исчезать перед носом у стражи.

Ниндзя были экипированы невообразимым количеством приспособлений и технических средств. В единоборствах же их более всего интересовали приемы умерщвления — мгновенные и без шума. Всех этих качеств добиться, конечно же, было очень сложно. Им обучали с детства, так называемыми «драконовскими» методами, зачастую во вред здоровью, причиняя травмы и боль. Но таких людей требовала кровавая эпоха раздоров.

Шаолиньский период дал новый толчок в развитии воинских искусств. Теперь уже идеи воинского искусства вплотную связывались с идеями прежде всего буддизма.

Знаменитый дзэн (в шаолиньском звучании чань) стал главным знаменем японских самураев. Идея вселенской пустоты, бренности всего земного, углубленное самосозерцание и пренебрежение к смерти — вот что захватило воинов в буддизме. Уникальное явление — самурайство, с его бесчисленными примерами подвигов, благородства, верности долгу и самоотверженности, — заслуживает отдельного разговора. Здесь мы затронем только системы их воинской подготовки. Как уже говорилось, они во многом специфичны и ярко окрашены национальным духом Японии. Клановые школы стрельбы из лука кюф, фехтование на мечах кэндо, виртуозное владение шестом бо или копьем с длинным мечеобразным лезвием нагината, все

они носят в своих названиях иероглиф «до» (китайский дао) — путь. Именно как жизненный путь постижения бытия воспринимался процесс обучения воинскому искусству. Обожествление меча в Японии носит и сейчас общегосударственный характер. Меч императора является национальным сокровищем. (В Японии, кстати, и выдающиеся люди, деятели любого вида искусств, театра, например, носят звание «Национальное Сокровище Японии»).

Обучение рукопашному бою также было обязательным для самураев. Они обучались дзюдо и кэмпо, осваивали системы бросков, захватов и ударов. Многочисленные стили впоследствии были объединены, классифицированы, во многом упрощены. Грубо их можно разделить на сегодняшние сумо, джиу-джитсу, айкидо, дзюдо и каратэ. Все они, в свою очередь, делятся на более узкие школы и специфики.

Если дзюдо и айкидо взяли на вооружение в основном бросковую технику, а мастера джиу-джитсу отдали предпочтение захватам и заломам, то представители каратэ-до сконцентрировали свое внимание на ударах руками и ногами, на прыжках и блоках. Здесь говорится о стержневых техниках и это совсем не значит, что, например, в джиу-джитсу нет ударов или в каратэ не делают подсечки.

Вообще сегодняшние и дзюдо, и айкидо, и каратэ — молодые виды единоборств. Все они сформировались в нашем веке, опираясь на богатый опыт предыдущих поколений самурайских мастеров.

Так, например, каратэ было оформлено в сегодняшнем виде мастером с острова Окинава Фунакоси Гичини. Именно он заменил в слове каратэ (китайская рука) один иероглиф на другой, звучащий так же, но имеющий иное значение, — получилось каратэ (пустая рука).

Взаимопроникновение единоборств несомненно обогащает воинское искусство в целом и помогает ему идти в ногу со временем.

Ярким примером этого может служить другой японский мастер, наш с вами современник, кореец по национальности — Масутатсу Ояма. Изучив системы японского каратэ, он обратился к шаолиньским методам подготовки бойцов, тщательно разобрался в принципах корейских единоборств — таэквондо, хапкидо, тансудо. Затем, на основе своих исследований, он создал свой эффективный и жесткий боевой стиль каратэ — кёкусинкай.

Если говорить о корейских единоборствах, то наиболее известным среди них, конечно, является таэквондо. Это искусство внешне похоже на каратэ (форма одежды, высокие стойки, принципы блоков и ударов), но таэквондо достаточно оригинально своей техникой. Высокие прыжки, скоростные удары, оригинальный принцип дыхания, все это говорит о самостоятельной зрелости вида.

К сожалению, мало у нас знают и о вьетнамских видах единоборств, а они заслуживают куда большего внимания. Явное влияние китайского воинского искусства несколько не умаляет самобытность вьетнамских видов. Их традиции исстари передавались от поколения к поколению, образуя родовые и целые провинциальные стили.

Так, например, известна своим воинским искусством убиндинь провинция Бин Динь.

Повсеместно во Вьетнаме распространена интересная система нятнам, все большую популярность завоевывает более молодой вид единоборства, основанный на юге страны, вьет-во-дао (во-ви-нам).

Именно духовными традициями, которые заключены и в воинских искусствах Востока, связью времен силен любой народ. А постижение особенностей многообразных стилей восточных единоборств, как говорят великие мастера этого искусства, помогает понять сокровенный смысл жизни, ощутить общий Путь человечества.

А. ЛОГИНОВ
президент отделения в СССР
Лондонской академии
воинских искусств
Саймона Лау

ноябрь

Стынет земля. Гремит под ногами мерзлый лист. Оголенные деревья, стряхнув обузу, впадают в глубокий покой. Даже почки накрепко сдвинули чешуйки, осмолились и готовы пережить все превратности зимы. Только кустики брусники да вереск словно врасплох застала зима, — так зелеными они и уходят под снег...

Предзимьем зовут эту пору. И хоть «первый снежок — не лежок», полежал и растаял, но и унес с собой последнее тепло.

Про опавшие листья, гнезда для соловьев и человека по фамилии-Лес

Пока я не услышала рассказов этого человека, я и не думала, что парк в городе это — лес! Городской лес. Со всем, что есть в настоящем лесу, с теми же тайнами и проблемами, с единой системой всего живого: растениями, насекомыми, птицами, зверями...

— Посмотрите! — Андрей Рихардович Метс положил передо мной две фотографии. На одной — черные деревья топорщили голые ветки. Было видно, что они погибают. На другой фотографии деревья были те же самые. Да не те! С густыми шапками листвы!

— Это деревья нашего парка, одного из самых старинных и красивых парков Петербурга — на Елагином острове... Между этими двумя фотографиями — годы труда и борьбы... Хотя бороться приходилось, казалось бы, из-за пустяка...

Но так казалось тем, кто был далек от науки, зато любил командовать... И пустяком на их взгляд были всего-навсего... опавшие листья. Да, да! Те самые, красные, желтые, что медленно падают на мокрую осеннюю землю. Год за годом их приказывали сгрэбать в кучи и увозить подальше, на городские свалки — гнить без пользы. И удивлялись, почему в вычищенном от этого «мусора» парке не живет ни насекомым,

ни птицам, почему заболевают и гибнут деревья? А ведь ответ давала сама природа: опавшие листья участвуют в необходимом природном процессе. Они задерживают дождевую влагу, а разлагаясь, обогащают почву удобрением, защищают корни деревьев. Или вот еще — совсем поэтическая мелочь: из жилочек опавших листьев трехлетней давности делают себе гнезда... соловьи. Нет листьев — нет соловьев. Нет их песен, но главное, некому и защищать лес от многих вредителей...

Все это и многое другое знали известные садоводы Бук и Буш, которые создавали этот парк в ансамбле с дворцовыми постройками знаменитого Росси. Их и считает Андрей Рихардович Метс своими учителями. И были эти садоводы по-настоящему знающими и опытными мастерами, и славился в те времена Петербург своими садами и парками и своей петербургской школой садоводства! Принимали туда только мальчиков 13—14 лет и обучали их всем тонкостям садового дела, давали всестороннее образование...

И мечтает Андрей Рихардович Метс вновь создать школу садоводства, а старинный парк сделать заповедником...

А опавшие листья? Уже несколько лет здесь чистят по осе-

ни от листьев лишь дорожки. Не лечат деревья злосчастной химией. Подкармливают естественными органическими удобрениями, а на их изготовление, кстати, и идет опавшая листва. И здоровый парк сам справляется со своими врагами — букашками.

Снова запели, защелкали соловьи, появились десятки видов других птиц. Заплескалась рыба в прудах. Цветут здесь весной цветы из Красной книги — первые подснежники... Может, это и не казалось бы таким удивительным, не будь рядом центра огромного города...

Да, а почему — человек по фамилии «лес»? В переводе с эстонского Метс означает — лес. Наверное, природа сама выбрала человека с такой фамилией себе в защиту. И не ошиблась.

Т. ЛЕОНИДОВА
Фото Б. Гесселя

Твои питомцы

«Помогите, «Зеленые страницы»! Я очень хочу завести себе птичек или рыбок или кошку. А родители все говорят: вот подрастешь — тогда и купим. Сколько же ждать? Мне уже 9 лет».

Балакирева Лидя,
Псков

Мы отвечаем Лиде и другим нашим читателям. Уход за животными требует знаний, любви и терпения, а главное — постоянства. Вот примерные данные о продолжительности жизни различных обитателей домашних живых уголков и о возрасте, с которого ребята могут самостоятельно ухаживать за животными.

Животные	Продолжительность жизни	С какого возраста школьник может за ними ухаживать?
Аквариумные рыбки	2—10 лет	9—11 лет
Лягушки	10—20	8—10
Черепахи	15—30	9—11
Зерноядные птицы	8—15	10—12
Попугай	20—40	10—12
Морская свинка	6—8	6—8
Хомячок	2—4	6—8
Кролик	6—8	8—10
Белка	6—8	12—14
Кошка короткошерстная	12—15	8—10
Кошка длинношерстная		10—12
Собака мелкой породы	12—14	8—10
Собака крупной породы	10—15	14—15

Составила Н. ИВАНОВА
Оформление Т. ПАНКЕВИЧ

О рыбках гуппи

«Аквариум у меня недавно, а рыбки называются гуппи. Расскажите, пожалуйста, как за ними ухаживать».

Шешин Костя,
г. Клин

Для начинающего аквариумиста рыбки гуппи, пожалуй, самые подходящие: они мирные и неприхотливые, выдерживают значительные колебания температуры, могут жить в небольших аквариумах, даже просто в банке. Живут они, правда, не долго: от 2,5 до 4 лет, но зато быстро созревают и очень плодовиты.

Гуппи пользуется вниманием не только аквариумистов. На этой рыбке испытывают степень очистки сточных вод, действие различных химических веществ — гуппи служит науке.

Первая среди рыб, гуппи побывала в космосе на борту орбитальной станции «Салют-5».

В природных условиях гуппи встречаются в Венесуэле, Бразилии, Гвиане. Из этих стран, благодаря аквариумистам, они перекочевали на все континенты.

При посадке гуппи в аквариум расчет объема воды такой: на одну рыбку надо два литра воды. Наиболее благоприятная температура воды 24—26 градусов. Вода нейтральная или слегка щелочная, она не должна быть мягкой и кислой, иначе у рыбок секутся хвосты. На каждые 10 литров воды добавь 1—2 чайные ложки поваренной соли — это предохранит рыбок от некоторых заболеваний. Не забывай каждую неделю заменять одну треть объема аквариума свежей от-

стоявшейся водой той же температуры. Показателем подходящих для гуппи условий может быть водное растение — папоротник цератоптерис. Если он хорошо растет у дна, значит — все в порядке. При плохих условиях корни растения подгнивают, и оно всплывает к поверхности или гибнет.

Аквариум с гуппи должен освещаться не менее 12 часов в сутки, на ночь электроподсветку выключай — ночью рыбы спят.

О том, чем кормить рыбок, мы писали на «Зеленых страницах» в № 12 за 1989 год.

Если у гуппи появились мальки, лучше отсадить малышей, чтобы родители их не съели или в аквариуме должны быть плотные заросли плавающих растений, таких как риччия, где мальки были бы в безопасности.

Веселый

Звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Дорогие читатели! Спасибо вам за тысячи веселых писем! Правда, не все авторы меня радуют. Особенно огорчают те, кто списывает чужие истории из прежних выпусков «Веселого звонка». Никак не могу понять, для чего они это делают — неужели они думают, что я эти истории не читал? Очень прошу этого не делать. А также прошу не присылать мне кроссворды, адреса для переписки и просьбы «срочно выслать Ю. Шатунова и Брюса Ли в цветном виде».

А теперь, как всегда, несколько ответов на курьезные письма.

Ваш учитель смеха

Дорогой учитель смеха! Мне нравится одна девочка из нашего класса. Я ей, по-моему, тоже нравлюсь, но она почему-то не хочет мне подсказывать, когда меня вызывают. Подскажите, что делать?

Сергей П-ов, г. Тольятти

Дорогой Сережа! Я вижу, ты действительно не можешь обойтись без подсказки. Хорошо, подскажу. Дело в том, что любовь иногда требует жертв. Поэтому придется тебе начать делать уроки.

Уважаемый учитель смеха!

Не можете ли мне прислать книжку писателя Льва Толстого? У нас в магазине его нет.

Оля Т., Хабаровская обл.

К сожалению, Оля, такого писателя я тоже не нашел. Может, прислать тебе какова-нибудь друга? Например, Лермонтова?

Я очень люблю смотреть телевизор. А такой фильм, как «Рабыня Изаура», я могла бы смотреть весь день без перерыва!

Тоня Л., Луга

Дорогая Тоня! Конечно, телевизор вещь хорошая, но все же не стоит становиться его «рабыней». Иногда нужно выходить из своей фазенды, чтобы подышать свежим воздухом.

Дорогой учитель смеха! Почему вы не печатаете анекдотов? Например, про Мюллера, Штирлица и Василь Иваныча?

К. Кравченко, г. Киев

Ну что ж, попробую:

— «Однажды Мюллер вызвал к себе Штирлица и говорит: «Здравствуйте, Василь Иваныч!»

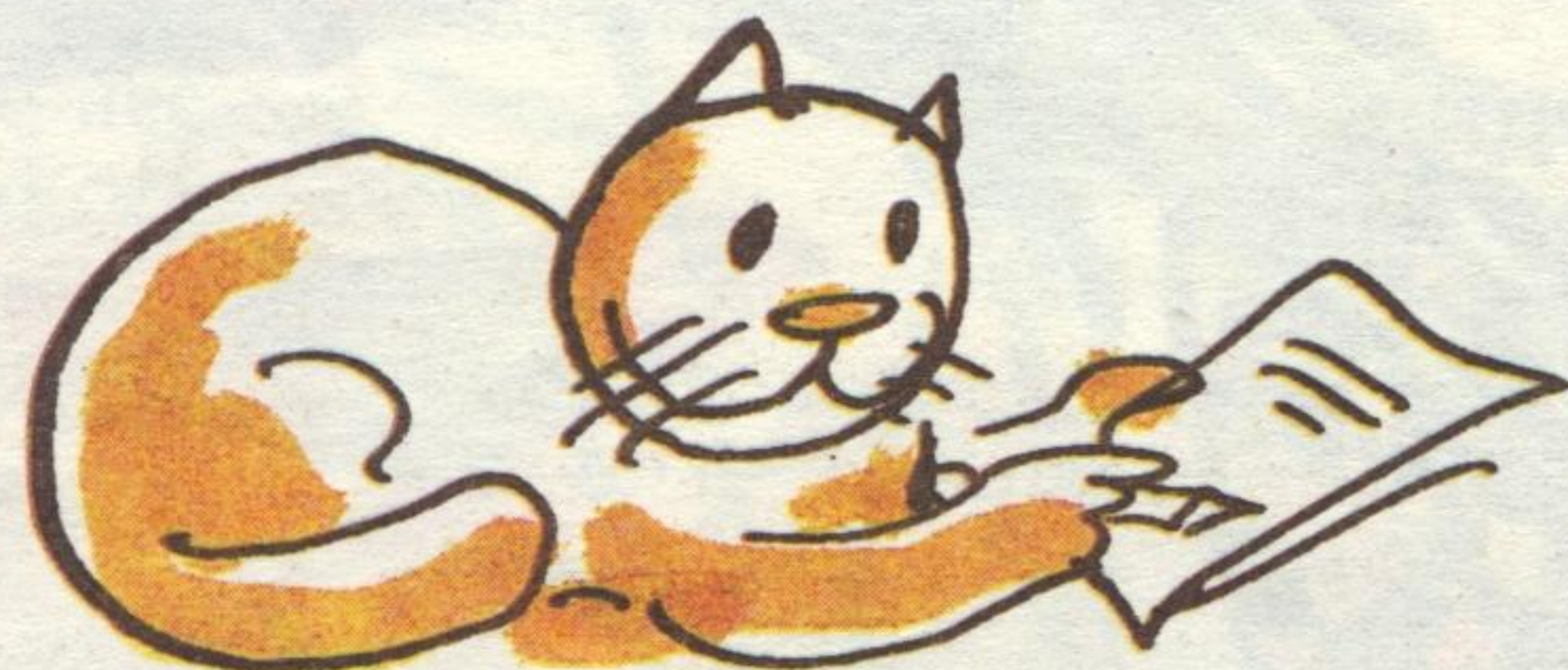
Здравствуйте, учитель смеха! Посылаю на конкурс свой рассказ. Когда будете его печатать, не указывайте мою фамилию, класс, город и область, а просто напечатайте — «Люся».

Ладно, так и сделаем. Кстати, рассказ нам не очень понравился, поэтому его тоже печатать не будем. Оставим только слово «Люся».

Дорогая редакция! Я хочу обратиться к тем ребятам, у кого есть коты. Я их люблю, поэтому хотела бы с ними переписываться.

Тамара О-ва, Ленинградская обл.

Дорогая Тамара! Мне нравится твое доброе отношение к котам. Но мне кажется, что ты преувеличиваешь их способности: вряд ли они смогут с тобой переписываться!

КОНКУРС

„и все засмеялись!“

УСАТЫЙ НЯНЬ

Мы проходили «Капитанскую дочку» Пушкина. Алла Петровна вызвала Вову и спросила:

— Расскажи, кто воспитывал Гринева?

Вова молчал.

— Ну подумай, кто воспитывает человека с ранних лет?

— Савельич! — вдруг ответил Вова, и все засмеялись!

Таня Шипилова,
пос. Быков
Сахалинской обл.

СЛУЧАЙ НА ХИМИИ

Моя мама работает в школе учительницей химии. И однажды у нее на уроке произошел такой случай. Ученикам было задано составить из набора шариков, которые обозначали атомы, модели молекул. В классе стояла тишина. Вдруг раздался возглас:

— Раиса Петровна, а у меня шариков не хватает!

И все засмеялись!

Яна Волкова,
г. Харьков

УДАЧНЫЙ ПРИМЕР

— А теперь, ребята, — обратилась к классу учительница, — давайте придумаем предложение с прямой речью, в котором было бы обращение. Пожалуйста, Савин!

Савин встал и сказал:

— Ирина Михайловна, отпустите меня домой!

— Хорошо, — похвалила учительница.

Тут Савин взял портфель и пошел к дверям.

— Ты куда? — удивилась учительница.

— Но вы же сами меня отпустили!

И все засмеялись!

Маша Каргополова,
4 класс,
г. Москва

РИМСКОЕ ВРЕМЯ

Петя Семечкин стоял у доски и бойко отвечал урок:

— ...тут Спартак посмотрел на свои часы и сказал...

— Подожди, подожди, — перебила Петю учительница. — Какие часы? Разве у римлян были наручные часы?

— Да, только цифры у них были римские!

И все засмеялись!

Игорь Бургац,
г. Черкассы

ВЕЖЛИВЫЙ ВАСЯ

Во время классного часа шел разговор о вежливости и культуре поведения.

— Из лексикона наших учеников, — сказала учительница, — исчезли такие слова, как «извините, я не вовремя, я позже зайду и т. д.»

Вася внимательно слушал и даже записал эти слова в тетрадку.

Назавтра Вася опоздал в школу. Он постучал в дверь класса, потом всунул голову и вежливо произнес:

— Извините, я не вовремя, я позже зайду...

И все засмеялись!

Люба Вальчик,
7 класс,
г. Барнаул

— Как египтяне представляли себе богов?

— В виде людей, но с животными головами!

— Удалось ли Волку в басне Крылова доказать вину Ягненка?

— Конечно. Он же его съел!

— Что произойдет, если кипятить воду в кастрюле с закрытой крышкой?

— Вода закипит, а крышка испарится!

— Какого спряжения глагол «учить»?

— Первого.

— А если подумать?

— Второго.

— Так какого же?

— Третьего!

— Назови пример антонимов.

— Пятерка — двойка!

Прислали:

Слава Лапшин и Ваня Курочкин
(г. Сердобск Пензенской обл.),
Лариса Левашова

(г. Шелехов Иркутской обл.),

Лена М. и Ира З.

(пос. Красный Краснодарского края),

Наташа Паршина

(г. Одинцово Московской обл.),

Сергея Прусаков

(пос. Михайловский Алтайского края).

ТЫ ВСТУПИЛ В АРЧЕБЕК?

Если ты еще не арчебековец, то сейчас можешь исправить ошибку: в славную Армию Разведчиков Черно-Белых Клеток объявляется новый набор.

Кого же примет под свои знамена шахмат-адмирал Ферзьбери?

Всех уже умеющих играть в шахматы (шашки) и всех еще не умеющих играть в шахматы (шашки), но желающих научиться. Возраст не ограничен!

Срочно напиши на имя Ферзьбери открытку — «Прошу принять меня...» — и тебя зачислят в Армию Разведчиков или (если ты еще не играл) в Отряд Резерва. И не жди специального ответа. Ты будешь принят!

Открыт и прием заявок на участие в Чемпионате-92. В нем ты сможешь завоевать — ПРИЗ! ДИПЛОМ! СПОРТИВНЫЙ РАЗРЯД!

Как писать заявку? На почтовой открытке. Указать — фамилию, имя, класс, разряд, адрес. Включены в Чемпионат будут все! Спешите записаться — начало в январе!

Адрес: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

Конкурс «Майский приз» в «Костре» № 5 — какие ответы вели к наградам? Смотрите.

В № 1, 2 мат дается в два хода, если пойти в № 1 — 1. Фf2!, в № 2 — 1. Фh8! В № 3 — в 3 хода. Все согласны?

В № 4 объявление мата вторым ходом обеспечат такие 6 первых ходов: 1. Кf6+, 1. Лс3, 1. Крf6, 1. Ch8, 1. Са3, 1. Сс1. А в № 5 — такие 8 первых ходов: 1. Фа7, 1. Фb2, 1. Фd4, 1. Фf7+, 1. Фf4, 1. Фh4, 1. Фh2, 1. Крd6. Все согласны?

Обладателями «майских призов» стали: за задачу № 1 — Володя Степанов (п. Богандинка).

за № 2 — Максим Озолин (п. Красный Яр),

за № 3 — Костя Семериков (д. Папулово),

за № 4 — Максим Куча (Анапа),

за № 5 — Роман Ящишин (Абай), а за решение всех пяти задач — Федя Игнатов (Тюмень), Вика Виноградова (п. Приамурский), Сережа Мушин (Арзамас).

Всем другим разведчикам, также приславшим верные ответы, шахмат-адмирал Ферзьбери выносит благодарность!

ВРЕДНАЯ ФИГУРА

Посмотрите на диаграмму — видите черного Коня? Ох и вредный же он!

Еще до начала партии повернулся к стоявшей тогда рядом с ним Ладье и говорит:

— Послушай! Слон-то, мой сосед... Он, знаешь, что про тебя сказал? Будто ты в игре не открытой линии держишься. Это ты-то? Каков, а?

— Да?? — возмутилась Ладья. — Я этого так не оставляю! За такое проучить следует!

— Еще как следует! И к тому же он, знаешь, что еще сказал? «Никакого, говорит, нет у Ладьи особого качества. Это просто ее выдумка». Качества у тебя нет — подумать только! Выдумка! Каков!?

— А за такое — и не посмотрю, что он свой, — побью! Хоть и не по правилам фигуру одного со мной цвета бить, но проучу — побью! — рассвирепела Ладья.

А Конь уже повернулся к Слону и нашептывает:

— Слоняга, ты Слоняга... Ничего-то ты не замечаешь! Ведь Ладья, соседка моя, проучить тебя грозит.

— Меня? За что это?

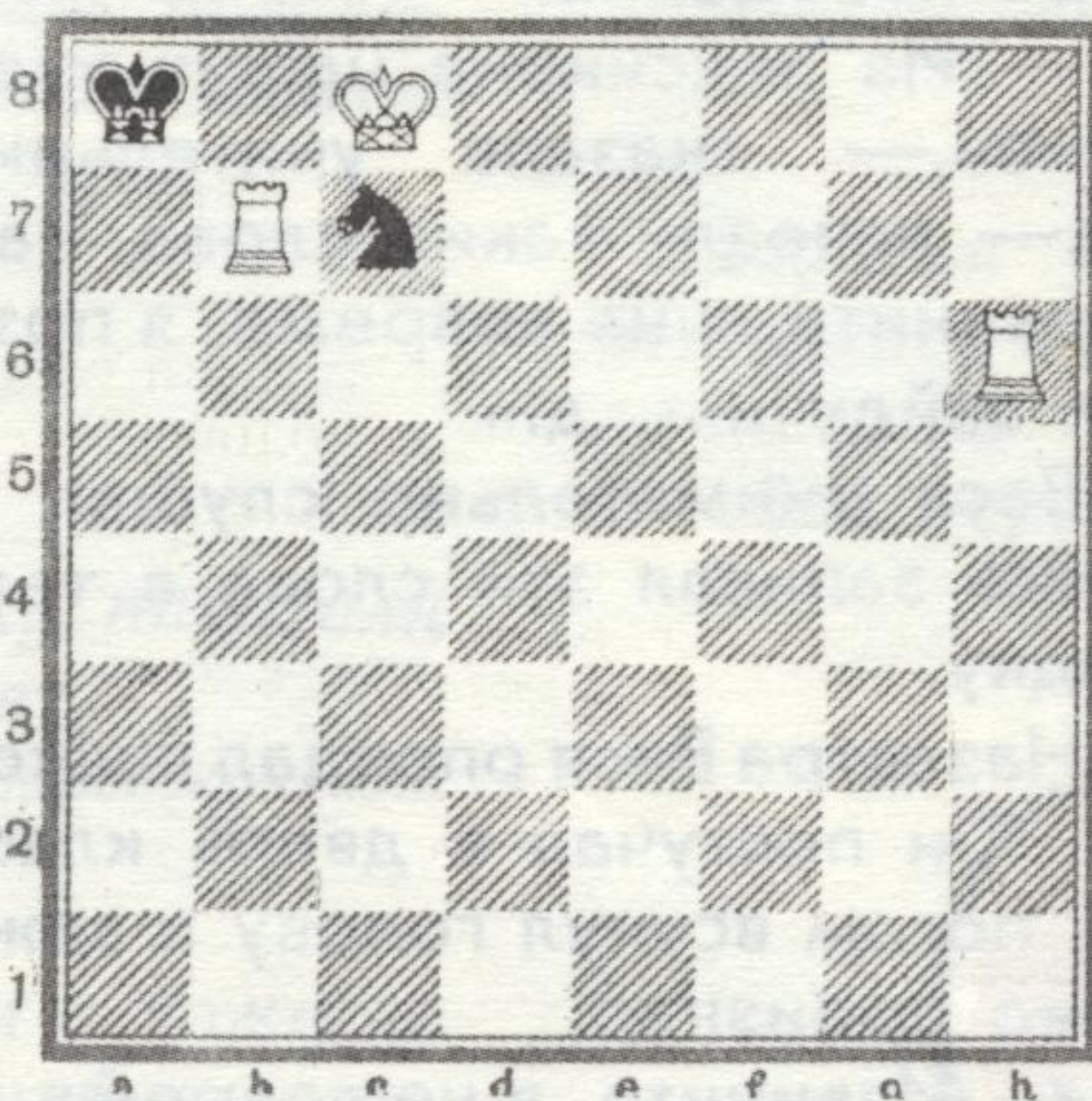
— Понятия не имею. «И не посмотрю, говорит, что он свой, — побью!» Подумать только! Какова, а?

— Вот как? — помрачнел Слон. — Побьет? Это мы еще посмотрим! Я хоть и не Король, но и не Пешка какая-нибудь! Я ее темную игру раскрою, не будь я Слон, если не раскрою!

А Конь уже Короля обхаживает:

— Ваше Величество! Что же это такое?! Мы все отчаянно боремся, даже собой, когда надо, жертвуем, а Ладья и Слон только личными дрызгами заняты...

Вот какими «хлопотами» был всю партию занят этот Конь. Так удивительно ли, что у черных фигур игра не ладилась и к концу из них на доске остались только он и загнанный в угол Король? Во сколько же ходов объявили им тут белые мат? И во сколько ходов объявили они мат во второй, тоже возникшей в результате подобных

действий Коня, позиции? Вот она — Белые: Крс8, Лс7, Лh8; черные: Кра8, Кb8.

Кто из вас, доблестные разведчики, ответит на эти вопросы автора позиций — бывшего арчебековца, победителя ряда Чемпионатов, Юрия Селявкина (Воронеж)?

И кто скажет — во сколько ходов удастся дать мат в задаче, составленной целой командой арчебековцев из Кемерово (Виктор Перетятко и его ученики Станислав Краев, Игорь Ионов, Александр Елонов)?

Белые: Кре8, Лh1, Лh7, Кg2; черные: Крг8, Са3, пп. с5, е3, е5.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда доставлена выловленная в море бутылка. Откупорили ее, а там две позиции РШ и две — МШ.

а) Белые: Д. е1, пр. а1, с3; черные: пр. а5, d2, h4.

б) Белые: b2, b4; черные: а7, b6, f8.

в) Белые: Д. 18, пр. 6, 11, 22, 23, 28; черные: Д. 49, пр. 1, 2, 17.

г) Белые: 6, 11, 15, 22, 29, 32, 44; черные: 1, 2, 5, 8, 12, 13, 35.

И свернутая трубочкой записка: «Просим срочно сообщить в АРЧЕБЕК! Очень важно! Что ожидает белых в а и б? (Д. Калинин)»

И другая записка: «В в (Алексей Панкратьев, Ленинград) был ход черных. 1...40 вело к ничьей, но сыграно было 1...16. Могут ли белые победить? И такой же вопрос к г (Алексей Панкратьев, Ленинград), где сначала черными сыграно было 1...10 2.4 40 (что дальше?), а при повторном разыгрывании черные пошли 1...2—7 2.2 10 3. 4 40 (что дальше?) Не оставьте без внимания — срочно сообщите в АРЧЕБЕК!»

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так: Чемпионат. ШХМ. А. В 4 хода — 1. Cg5! Лf7 2. Cf4! Кс6. 3. Cd2.

Б. В 4 — 1. f3! a2 2. Cd7 g4 3. f4.

В. В 3 — 1. Ch5+! Крh6 (Кр:h5 2. Ф:g7) 2. Cg6!

Г. В 2 — 1. Фh8! При слоне на с7 тоже в 2 — 1. Фf1!

Д. В 2 — 1. Ка2!

Е. Ничья — 1. Крf8! d2 2. Лd7 e2 3. Л:d2+ Кр:d2 4. f5 e1Ф 5. f6, затем — 6. f7 (а в подобных позициях ферзь ни против слоновой пешки, ни против ладейной выиграть не может).

РШ. А. 1. f4 g5 2. d6! 3. f2 4. e7 5. f4!X.

Б. 1. cd4! 2. ef4! 3. cd2X.

В. 1. cb2! 2. b2! 3. fg3! 4. d4X.

Г. 1. e5! 2. g7X.

Д. 1. f8! b2 2. g7 c1 3. d2!X.

Е. 1. g1! a7 2.d4X.

МШ. А. 1. 30! 2. 33! 3. 26X.

Б. У белых проигрыш — 1. 19 10 2. 19—13 9—14 3. 12. 19!X.

В. 1. 32! 2. 21 3.30 4. 17X.

Г. 1. 31! 2. 21! 3. 11 4. 29X.

Д. У белых проигрыш — 1.19 24! 2. 30 2—8!X, 1. 13 24! 2. 18 7X, 1. 12 24! 2. 18 9X.

Е. 1. 24!! 2. 7!X.

Резерву. Белые выигрывают: 1. Cd3 Крг6 2. b5! и т. д.

УГОЛОК ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТОВ

Писатель Редьярд Киплинг в молодости служил в английских колониальных войсках. Поехав в Бирму, он встретил там друга и расставаясь, услышал от него:

— Надеюсь, наша следующая встреча будет такой же прохладной! «Теплой? — подумал писатель. — Ах, да, тропическая жара! Тут лучшая похвала — прохлада.»

* * *

Физики и лирики уже давно не понимают друг друга. Английский писатель Чарльз Сноу вспоминал, что в студенческой столовой, за столиком против него и его приятеля сидели двое юношей. За все годы обучения эти две пары не обменялись ни одним словом.

— О чем с ними говорить, они же математики! — объяснил приятель.

* * *

Уже во времена императрицы Елизаветы в Академии Наук было достаточно бюрократов и казуистов. Химик Леман как-то пожаловался, что ему полгода не выписывают угля и он не может проводить свои опыты.

«Раз вы не получаете угля, и не можете работать, то и никакого спроса с вас нет. Аккуратно получайте жалование» — гласил полученный им из канцелярии ответ.

* * *

В Российской империи чиновники зачастую не владели ни логикой, ни арифметикой. Герцену однажды довелось видеть следующее удивительное донесение о жертвах в одном провинциальном городишке: «Утопших — два, из них причина утопления неизвестна — два, итого — четыре».

Коцебу стоял на верхней палубе, вглядываясь в штормовую мглу. Бури преследовали бриг с самого начала экспедиции. Два раза пришлось возвращаться в Плимут, чинить поломки, хорошо еще, что удавалось вернуться в порт. В Ревеле многие удивлялись, сможет ли такой маленький бриг выдержать тяготы кругосветного плавания. «Да, — думал капитан, — сможет. Именно этот маленький, легкий корабль», — с благодарностью думал капитан о «Рюрике». «Не успели проскочить мыс Горн — кладбище кораблей, бури измотали всю команду, — продолжал размышлять капитан. «Матросы всегда должны видеть своего капитана, особенно в трудную минуту», — вспоминал он слова своего учителя и наставника Крузенштерна, с которым провел свое первое кругосветное плавание — был он тогда пятнадцатилетним мичманом. Теперь ему двадцать восемь и он сам возглавляет кругосветное плавание. Уже второе в его жизни. Так оннемного отвлекся в своих мыслях, голова работала не совсем четко — четыре бессонных ночи провел он на вахте. Обернулся он слишком поздно. Громадная волна, закрывшая весь горизонт, встала до неба, нависла над ним и обрушилась. Его смыло с палубы в пучину. Машинально, в последний момент он ухватился за какой-то канат. Когда схлынула вода, подтянулся и перевалился через борт. Коцебу был спасен. А волна натворила бед — крыша его капитанской каюты была снесена, а каюта наполнена водой. Чудом не пострадали ценные приборы. Да, море всегда таит опасность, как бы хорошо не узнал его человек, нелегко открывать его тайны — так говорил Крузенштерн. Миновав мыс Горн, «Рюрик» направился далее к цели своего кругосветного путешествия, к берегам Чукотского моря: исследовать Северо-западный проход вдоль берегов Северной Америки и обозначить на карте

еще не изученные участки берегов Русской Америки. Нужно было уточнить существование многих островов в Тихом океане. Исследовать большой район между экватором и 120 градусом северной широты и 170 и 150 градусом восточной долготы. Здесь еще не бывали мореплаватели и в этих местах на карте были белые пятна. Попутно надо было вести наблюдения метеорологические, географические, состав воды на разных глубинах, собрать астрономические и биологические сведения.

В северной части архипелага Туамоту Коцебу нанес на карту ряд новых островов: острова Румянцева, Спиридова, Острова Рюрика, названные так в честь брига, группу островов Крузенштерна. На картах, полученных Коцебу в Англии, существовали земля Дэвиса, и Вархамова скала. Самым тщательным образом организовал Коцебу поиск этих географических объектов, и выяснил, что... этих островов не существует вовсе. Капитан стер с карты эти названия... Очень важно открыть новые земли для исследователей морских просторов, но не менее важно для науки закрыть земли, которые в действительности — не существуют! «Закретья» такого рода Коцебу так же немало сделал в своей экспедиции... Но зато 399 вновь открытых островов нанес Коцебу на свою морскую карту...

Коцебу побывал и в третьем кругосветном плавании, которое приблизительно повторило маршрут «Рюрика». Успех «Предприятия», на котором он путешествовал, был немалый.

В те времена было не так много моряков, совершивших хотя бы одно плавание вокруг света, очень мало, кто обошел бы на корабле землю дважды.

Но тех, кто сделал это три раза, командуя парусником, да еще и совершив по пути множество открытий, можно пересчитать по пальцам...

О. СТРЕЛКОВА

Здравствуй! Сегодня будем вышивать. Надеюсь, ты не считаешь это занятие слишком старомодным? И правильно. Даже на «вареных» джинсах цветочки, вышитые гладью, смотрятся очаровательно — а уж эту одежду никак не назовешь «бабушкиной».

Но мы займемся не гладью, а изящной ажурной вышивкой «ришелье». И я надеюсь, что к новогоднему вечеру ты сделаешь себе отличный подарок — модный воротничок с белоснежным узором.

Итак, за дело! Нам понадобятся белая ткань (лучше выбрать не очень тонкую), белые нитки — хлопок, шелк или ирис, пальцы и маникюрные ножницы с острыми концами. Но сначала — немножко порисуем. Выкройку воротничка по нашей схеме увеличь на миллиметровке. Если окажется, что размер тебе не подходит (я имею в виду окружность шеи), можешь изменить его, сложив или раздвинув выкройку по пунктирной линии середины. Теперь понадобится калька или любая прозрачная бумага. Перечерти на нее с миллиметровки рисунок воротника, но ничего не вырезай.

Мы выбрали для работы довольно плотную, не просвечивающую ткань. Поступим так: кальку с рисунком приколем к лицевой стороне ткани булавками, а затем частыми стежками прометаем все до единой линии узора. Готово? Бумага больше не нужна, ее можно аккуратно оборвать. Если ты все сделала правильно, то на белой ткани остались точные контуры воротника.

Посмотри на наш рисунок № 1. Этот очень простой шов — «вперед иголку» — как раз сейчас нам понадобится. Набирая на иглу сразу несколько мелких стежков через каждые 2—3 мм, прошей белыми нитками все контуры узора. Край нашего воротника, как видишь, зубчатый. Такие зубчики называются фестонами. Чтобы они получились выпуклыми, внутри каждого фестона проложи еще один ряд мелких стежков, как говорят рукодельницы — «сделай настил». Второй рисунок поможет тебе справиться с этим.

Вот теперь начинается собственно вышивание. Заправь ткань в пальцы. Вдень в иглу двойную нитку. Тебе предстоит обметать весь узор «петельным швом». Взгляни на третий рисунок: как видишь, по краю шва образуются маленькие петельки. Они должны быть расположены по той стороне узора, где ткань будет вырезаться. На нашем воротнике —

это внешний край фестонов. Петельный шов выполняется слева направо. Начинай так: сделай прокол иголкой с изнаночной стороны ткани на лицевую, то есть «к себе». Все остальные проколы пойдут уже с лица на изнанку — «от себя». Нитку после первого прокола направь вниз и придержи большим пальцем левой руки. Теперь сделай стежок, как на рисунке, направляя острие иголки в образовавшуюся петлю. Протягивая иголку вниз, осторожно, не слишком туго, затяни петельку.

Я понимаю, что описание выглядит довольно громоздко. Но когда ты потренируешься на кусочке ткани, то поймешь: петельный шов вовсе несложен. Единственное условие — стежки должны быть очень частыми, практически без пробелов, это необходимо, чтобы вырезанная ткань не осыпалась. Если у тебя не получится плотной вышивки — не отчаивайся, проложи второй слой петельных стежков.

Один совет: не старайся работать слишком длинной ниткой. Это не экономит тебе время, скорее наоборот — нитка будет путаться, рваться. Вышивальщицы, так же, как и портнихи, обычно пользуются ниткой не длиннее 30 см.

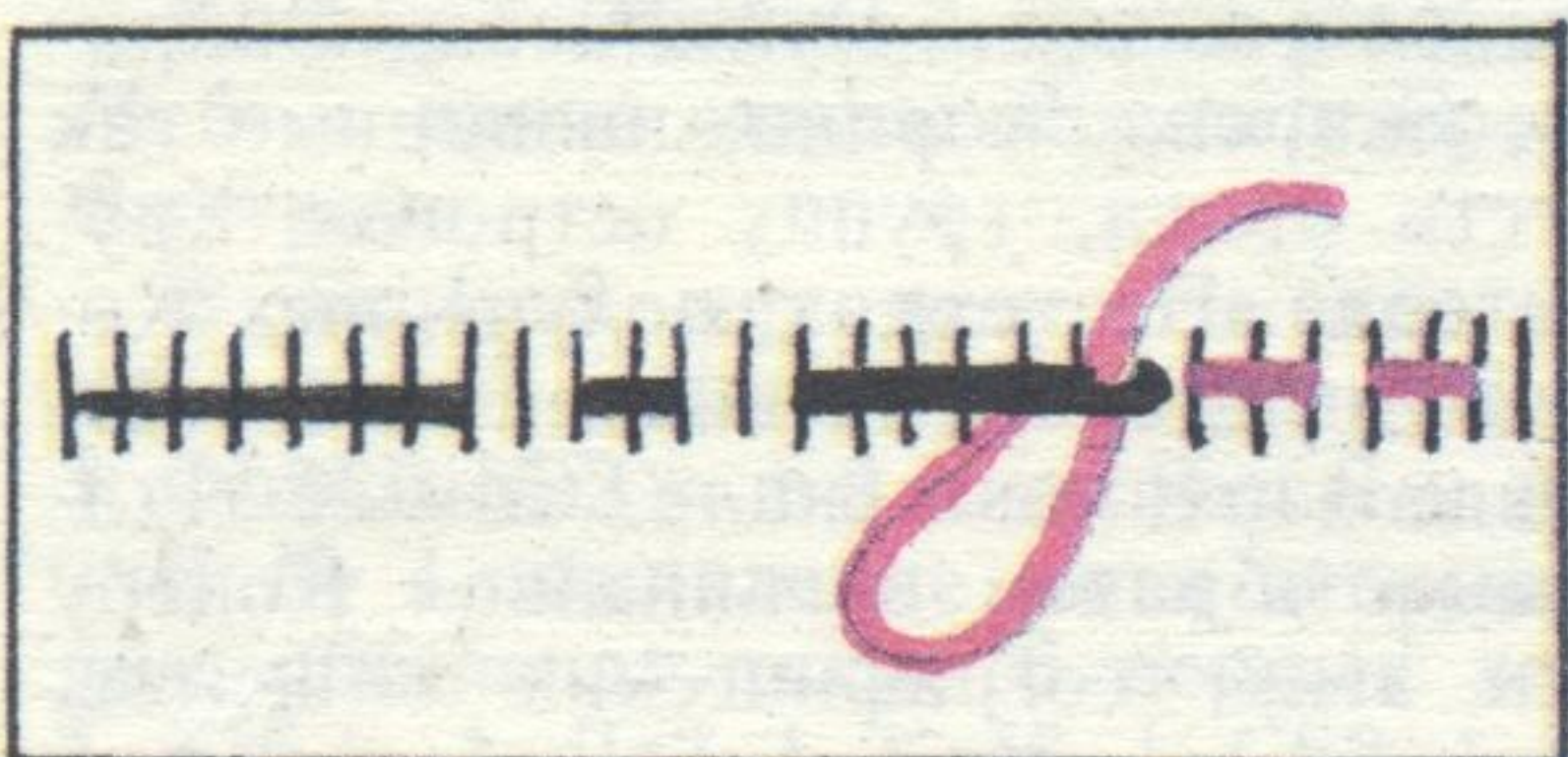
Когда нить, которой ты только что вышивала, закончится,крепи ее на лицевой стороне: сделай несколько стежков по необшитой части узора. Вдень новую нитку,крепи ее на изнанке, а на лицевую сторону выкальвай иголку между двумя крайними стежками петельного шва.

Не знаю, сколько вечеров понадобится тебе, чтобы вышить весь узор. Но обязательно наступит момент, когда, наконец, ты сделаешь последний стежок,крепишь нитку и вынешь ткань из пальцев. Чувствуешь,какая ты молодец? Воротник-то почти готов. Теперь выстирай его, можно даже чуть-чуть отбелить. Проглаживай любую вышивку нужно только с изнанки, чтобы сохранить ее рельефность, выпуклость.

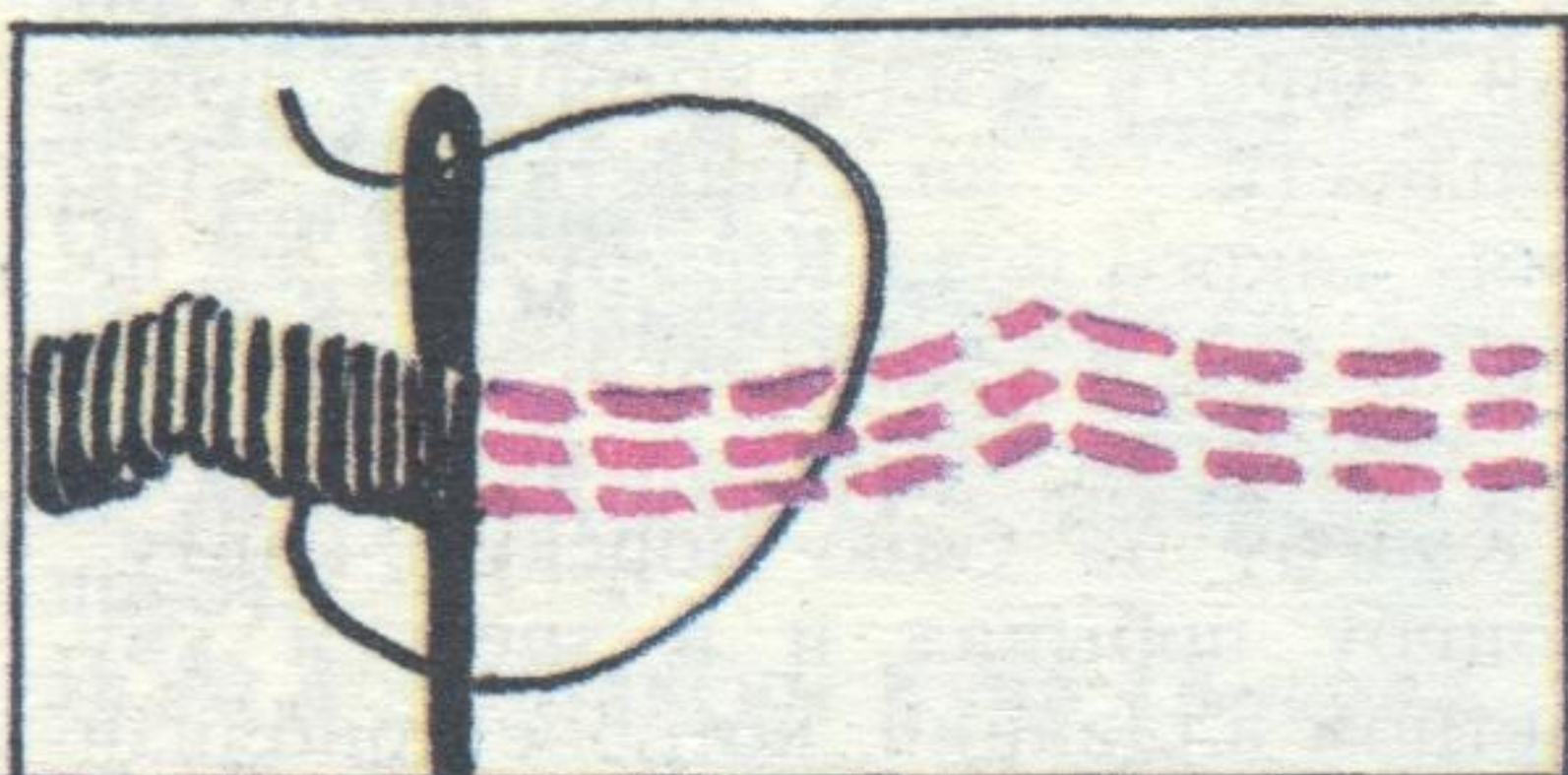
Вот и маникюрные ножницы пригодились. Осторожно, не торопясь, не задев ни одной петельки, обрежь лишнюю ткань по внешнему краю фестонов. Осталось обработать руликом или обметать внутренний срез воротника. Ну, и еще разок прогладить с изнанки. Носи на здоровье — и с блузкой, и с платьем. И даже с вязаным джемпером воротничок «ришелье» смотрится очень неплохо.

Ну как? Стоило потратить время на такую красоту? То-то. Я думаю, что после нашего простого узора тебе нетрудно будет вышить и более сложный — на юбке, блузке, салфетке или скатерти. Было бы желание.

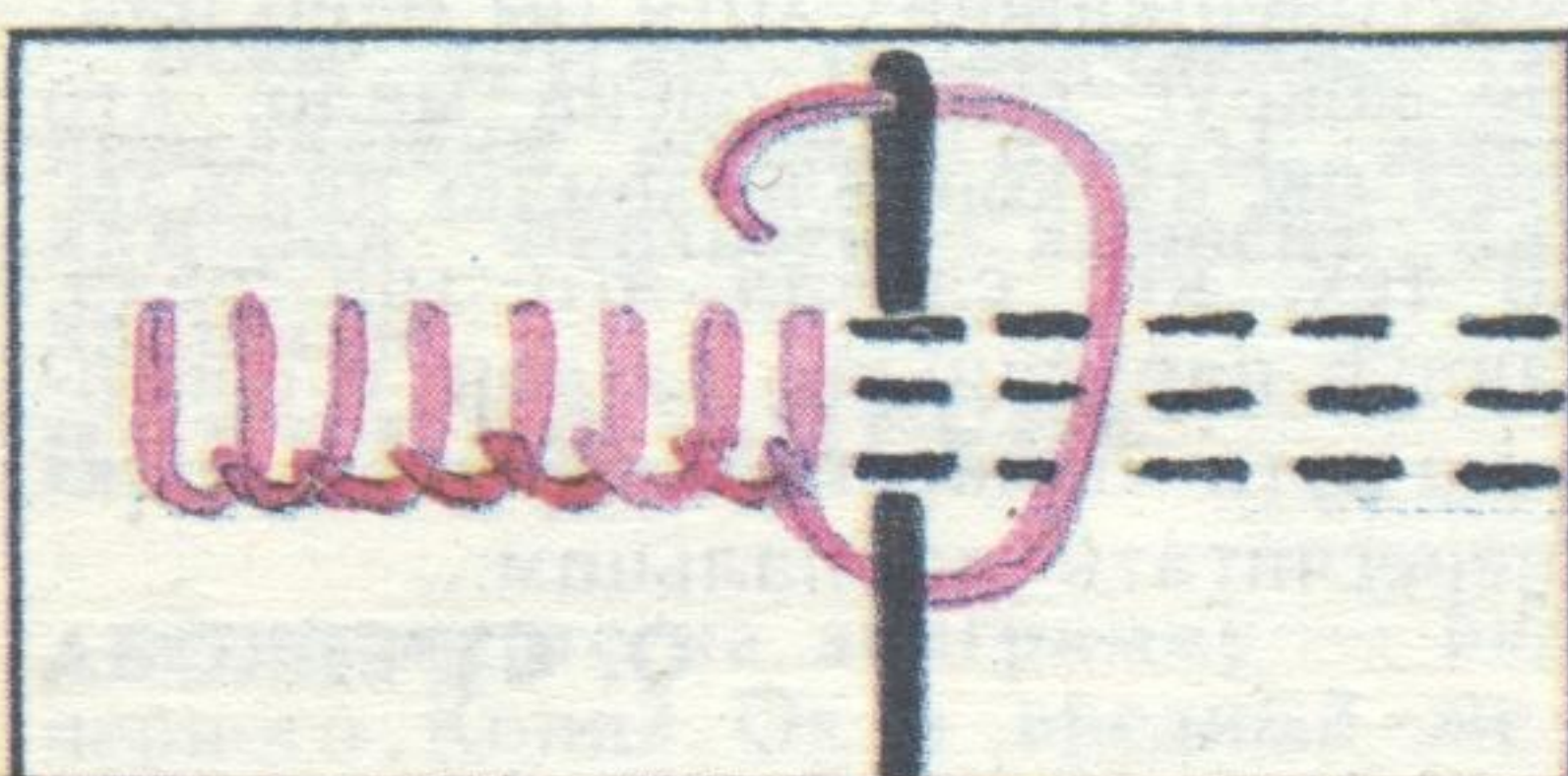
Мы, как всегда, расстаемся на месяц. В следующий раз я сделаю последний в нынешнем году обзор своей почты.

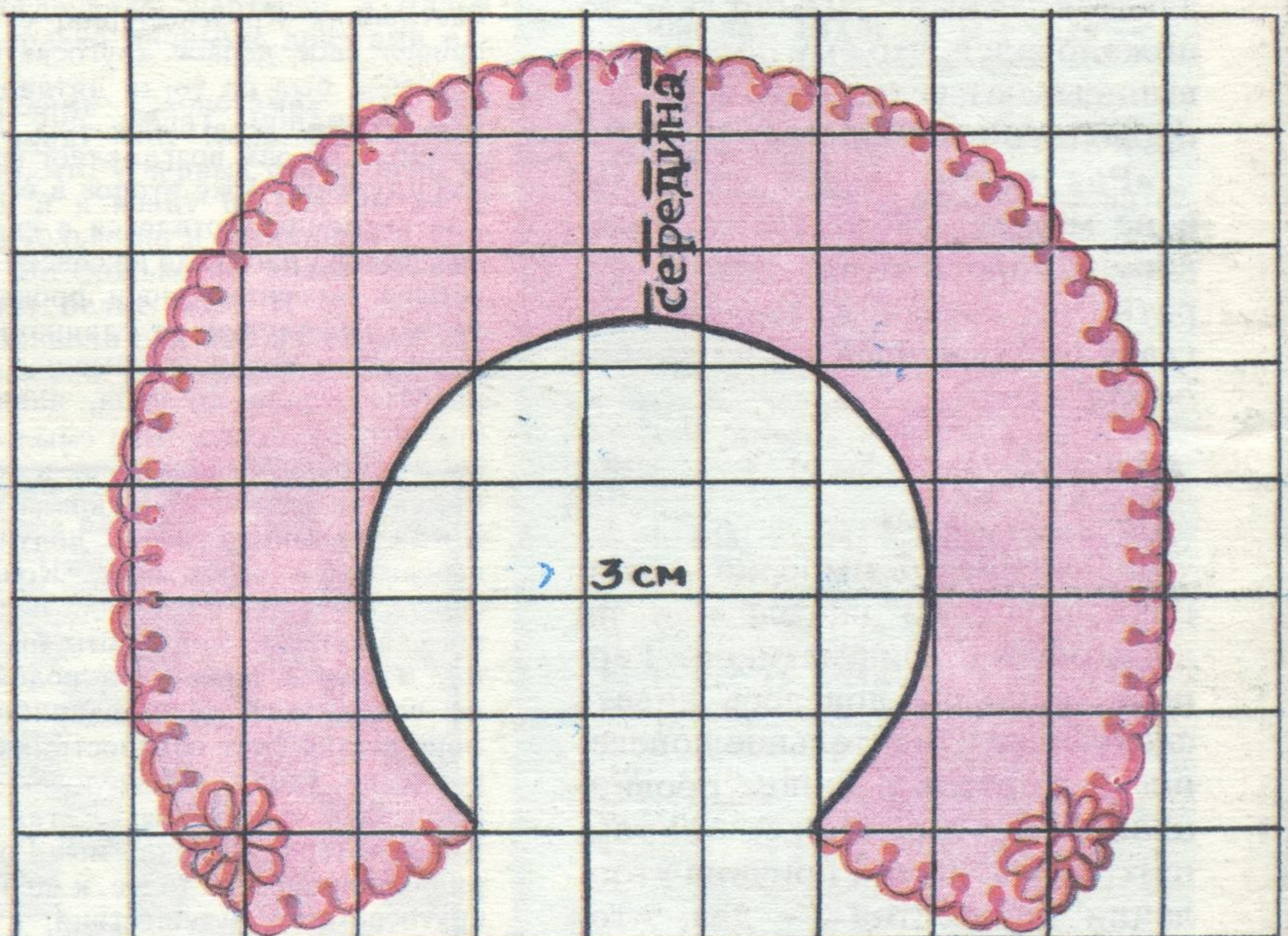
Шов «вперед иголку»

Настил

Петельный шов

Выкройка-схема воротника

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

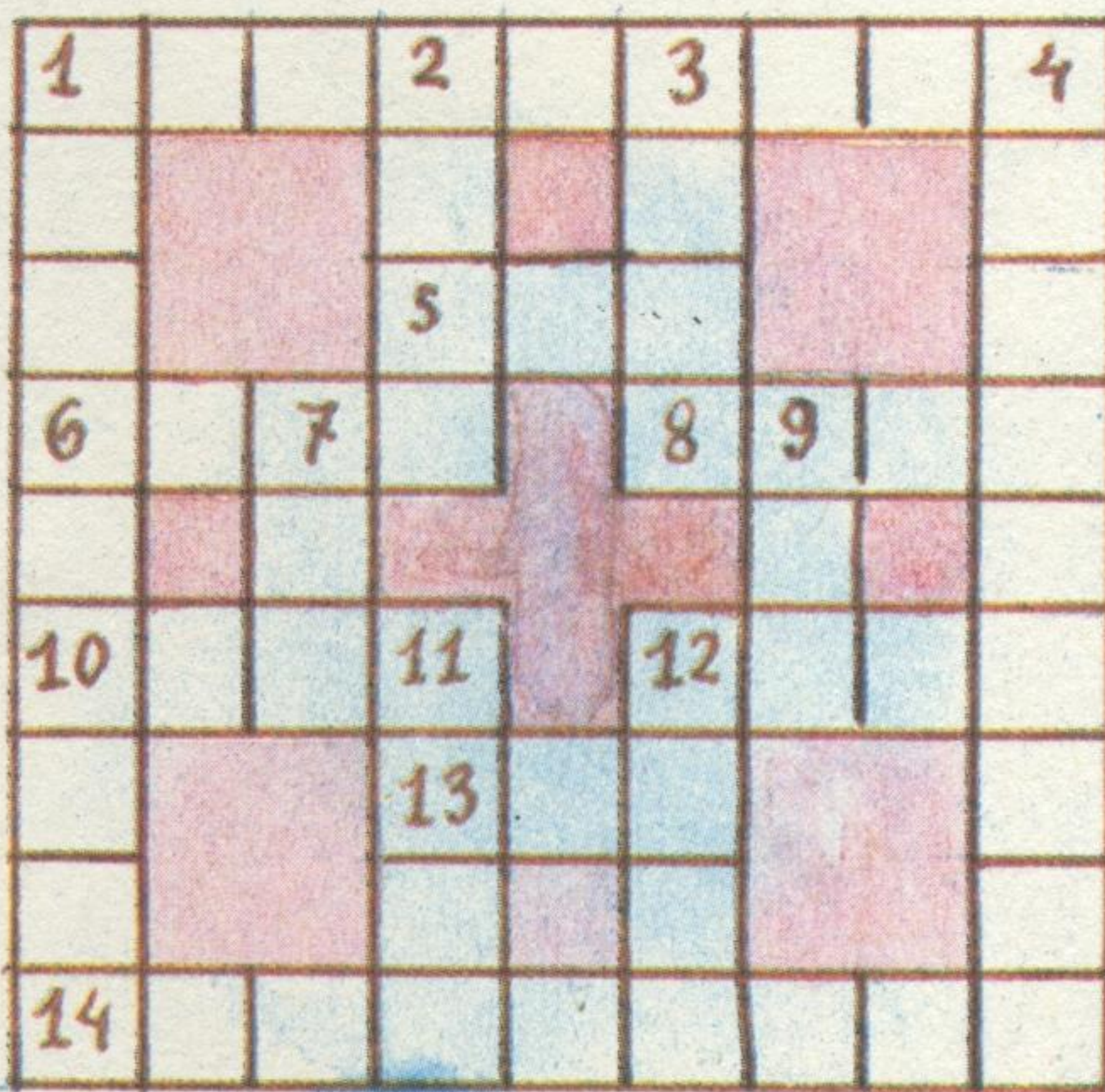
Исключить лишнее слово из последующих групп:
 Кислота, ртуть, вода, спирт, хлор, ацетон.
 Коза, слон, кабан, ехидна, осел, лев.

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Свой кроссворд предлагает решить Вероника Токарева из Москвы.

По горизонтали: 1. Устойчивый участок суши. 5. Африканская антилопа. 6. В художественном произведении: стороны и явления жизни, которые изображает и оценивает автор. 8. Одно из основных физических понятий. 10. Название корабля, плившего за золотым руном. 12. Стена плотины гидроузла. 13. Французская мера длины. 14. Словесная игра, основанная на перестановке букв в слове.

По вертикали: 1. Обучение охотничьих собак работе по зверю. 2. Верхняя одежда у древних римлян. 3. Подводная яма. 4. Воздушная оболочка земли. 7. Чародей, волшебник. 9. Хвойное дерево. 11. Легендарный русский князь. 12. Состязания упряжных рысистых лошадей.

Итак, два вопроса Г. Г. Громыхалова. Зачем внутреннюю поверхность самовара делают шероховатой? Почему перед тем, как отлучиться, Географ Географыч просил добавить молока в чай?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ, ПУБЛИКОВАННЫЕ В №10

1. Цифр, которые могут читаться в перевернутом виде, всего пять: 0, 1, 6, 8 и 9. Причем цифра 6 при этом превращается в 9, а цифра 9 — в 6. Таким образом, возможные квартиры Г. Г. Громыхалова — 9, 16, 81, 100, 169 и 196. Каждая из них — квадрат числа. Но только цифра 169, будучи перевернутой (961), остается квадратом числа — 31. Значит, Географ Географыч живет в квартире № 196.

2. Занавеска.

3. Конкурс кроссвордов. По горизонтали: 4. 1815. 6. 1911. 7. 1571. 8. 1419. 9. 1171. 12. 1112. 14. 1313. 16. 1147. 18. 1851. 20. 1880. 21. 1019. 22. 1445. По вертикали: 1. 1111. 2. 1519. 3. 1957. 5. 1721. 10. 1503. 11. 1953. 12. 1881. 13. 1764. 15. 1986. 17. 1912. 18. 1017. 19. 1157.

Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:
 В. М. ВЕРХОВСКИЙ (отв. секретарь)
 О. П. ОРЛОВ
 Р. П. ПОГОДИН
 Е. В. СЕРОВА
 Н. И. СЛАДКОВ
 Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ (зам. главного редактора)
 Г. М. ЧЕРНЯКОВА
 А. Я. ШКОЛЬНИК

Художник-редактор
В. И. ЦИКОНА
 Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
 Корректор
Н. Ю. ЧУПРОВА

Учредители:
 ЦК ВЛКСМ
 ЦС СПО (ФДО) СССР
 ИПО «Молодая гвардия»
 Трудовой коллектив редакции журнала «Костер»

Адрес редакции:
 193024, Ленинград,
 ул. Мытнинская, 1/20,
 телефон: 274-15-72.

К сведению авторов!
 Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.
 Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.
 Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.
 Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Сдано в набор 09.07.91.
 Подписано в печать 11.09.91.
 Формат 60x90¹/₈.
 Печать офсетная
 Бумага офсетная
 Печ. л. 5
 Усл. печ. л. 5
 Усл. кр.-отт. 18
 Уч.-изд. л. 8
 Тираж 754 000 экз.
 Заказ № 6574
 Цена 60 коп.

Текстовые диапозитивы, иллюстрации изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате «Молодь». Зак. 1-404.
 Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119. Пархоменко, 38—44.

630-4

Индекс 70445

ЗАКРЫТЬ ОСТРОВ
ПОРОЙ ВАЖНЕЕ,
ЧЕМ ОТКРЫТЬ НОВУЮ
ЗЕМЛЮ

Какое отношение
эти полководцы
имеют к островам,
открытым Коцебу?

